

ВОСПОМИНАНІЯ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО ВЕТЕРАНА.

И бысть то все правда святая,
И бысть то поль-вѣка назадъ;
Была ли же польза какая
Изъ бойни ужасной? Наврядъ.

Въ Январѣ 1854 года я былъ еще юнкеромъ въ N-скомъ полку, штабъ котораго стоялъ въ одномъ изъ городовъ Тамбовской губ. Юнкерская команда, находившаяся при штабѣ, помѣщалась въ нанятомъ домѣ и была въ вѣдѣніи одного изъ офицеровъ. Всѣ юнкера имѣли совершенно свободный выходъ, не спрашивая разрѣшенія назначеннаго изъ юнкеровъ фельдфебеля, говоря ему только „я ухожу“. Возвращеніе требовалось въ 9 часовъ вечера. Фронтовыя ученія были рѣдки, и поэтому въ командѣ никогда не было больше половины юнкеровъ. Время шло скучно, пусто, одно развлеченіе—карты. Рѣдко у кого была въ рукахъ книга, но и книги были у насъ лишь учебныя: географія, исторія, курсы ариѳметики, учебники Французскаго языка и тому подобныя, какъ мы выражались, „мерзости“. Я убѣждалъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей плюнуть на это дѣло, потому что изъ него ничего не выйдетъ, особенно теперь, когда носится слухъ о предстоящей войнѣ и неминуемомъ походѣ. А если это будетъ, утверждалъ я, насъ и такъ произведутъ въ подпрапорщики и въ офицеры. Насъ было на половину поступившихъ безъ экзамена рядовыми, которые для полученія подпрапорщика для дворянъ, и унтеръ-офицера для прочихъ сословій, должны были сдавать экзамень по программѣ, равной переходному экзамену изъ 6-го въ 7-й классъ гимназіи, и поэтому я не обращалъ никакого вниманія на науки, такъ какъ и на совѣты своего старшаго брата, поступившаго подпрапорщикомъ изъ гимназіи годомъ раньше меня. Смотри, Костя, говорилъ онъ: ты уже годъ на службѣ, а познанія твои все стоятъ на одномъ мѣстѣ. Вѣдь безъ экза-

мена ты не будешь подпрапорщикомъ; даромъ, что тебя командиръ полка на смотре выводилъ на середину и говорилъ, что онъ желаетъ, чтобы всѣ знали по твоему службу.—Ну ладно, отвѣчалъ я, когда будетъ война, такъ я прежде тебя буду офицеромъ. Ахъ, Костька проклятый, говорили товарищи: ему все „трынъ-трава, кромѣ ружья“.

Въ началѣ Января, одинъ изъ товарищей, вернувшись домой, сообщилъ мнѣ, что встрѣтившійся ему нашъ полковой казначей велѣлъ мнѣ придти въ канцелярію для полученія денежнаго письма.—Ну слава Богу, сказалъ я, наконецъ-то!

На другой день я отправился для полученія письма въ канцелярію и, возвратясь въ команду, торжественно закричалъ: „Ура“, сообщивъ, что война неминуемо будетъ и что въ канцеляріи кромѣ суматохи я видѣлъ массу лежащихъ огромными стопами контръ-марокъ (каждая контръ-марка стоила 75 коп., и предназначались онѣ въ уплату крестьянамъ за каждую подводу, доставленную для перевозки полковой тяжести). А дня чрезъ три или четыре пріѣхалъ къ намъ командиръ полка и поздравилъ съ походомъ. Дружное и громкое ура было отвѣтомъ болѣе шестидесяти голосовъ.

Ну, господа, будьте молодцами; путь далекій. Я съ своей стороны постараюсь облегчить вамъ его, сказалъ намъ любившій насъ командиръ полка и уѣхалъ. Къ вечеру мы узнали, что 1-й и 2-й баталіоны выступятъ чрезъ четыре дня, а 3-й и 4-й чрезъ 5 дней. Состоя во 2-й ротѣ 1-го баталіона (тогда знаменной), намъ съ братомъ пришлось выступить чрезъ 4 дня, которые были употреблены на сборы. Чтò же мы возьмемъ съ собой? спрашивалъ меня братъ. Я ничего кромѣ мундира и необходимаго бѣлья, отвѣчалъ я. Дорогой будутъ города; можно будетъ купить чтò нужно, были бы деньги.

Наканунѣ выступленія, къ намъ въ команду пришелъ каптенармусъ 2-й роты (унтеръ-офицеръ, завѣдывающій хозяйственной частью), провозгласивъ: Гг. подпрапорщики, пожалуйста въ цейхгаузъ для полученія аммуниціи и пригонкѣ ся. Мы отправились и стали примѣрять выдаваемую аммуницію, при чемъ каждую выдаваемую мнѣ вещь я безусловно браковалъ, не желая получать ношенную.

— Помилуйте, Константинъ Ивановичъ, вы требуете все, чтò мы выдаемъ только для ординарцевъ. Я доложу ротному командиру.

— А я скажу полковому командиру, что мнѣ такая дрянь не по плечу, и прямо отсюда пойду и покажу ему, какой дрянью ты угощаешь юнкеровъ.

Зная отношенія командира полка къ юнкерамъ вообще, а ко мнѣ въ особенности, хозяйственное начальство быстро согласилось исполнить мое требованіе съ замѣчаніемъ, что я большой озорникъ.

На другой день, въ семь часовъ утра, мы прибыли въ роту въ полной походной аммуниціи и чрезъ полчаса, перекрестившись, двинулись въ далекій путь.

Ну ребята, обратился я къ своимъ товарищамъ по ротѣ, кто-то назадъ возвратится?

— Да, отвѣчалъ чей-то голосъ, это вопросъ.

— Да чего ты, Костька, спрашиваешь, кто назадъ возвратится, сказалъ одинъ изъ товарищей; ты спрости сначала самого себя, дойдешь-ли еще ты до войны въ своемъ ординарческомъ ранцѣ, о которомъ ты такъ распинался?

— А я думалъ, братъ, что ты умнѣе чѣмъ оказываешься... честное слово. Съ чего ты взялъ, что мы всѣ, а я въ особенности, будемъ идти въ ранцахъ. Вѣдь теперь мы идемъ потому, что идемъ изъ города, а потому и нѣтъ подводъ, а со слѣдующей станціи вѣроятно всѣ люди пойдутъ безъ ранцевъ. А я свой ранецъ, какъ ординарскій, помѣщу на ротную подводку, съ которой уже и не сниму, вѣроятно, до какой нибудь особенной надобности. Довольно и того, что каждую недѣлю буду на него любоваться и брать изъ него, или класть въ него, что мнѣ надо.

Первый переходъ почти въ двадцать верстъ, съ получасовымъ отдыхомъ на полпути, утомилъ мои плечи, а на другой день я, какъ говорилъ, такъ и сдѣлалъ: сдалъ свой ранецъ на ротную подводку, что сдѣлали и остальные юнкера нашей роты. Солдаты тоже шли безъ ранцевъ все время, исключая тѣхъ переходовъ, когда выступали изъ городовъ, въ которыхъ подводъ не выдавалось; но мы, юнкера второй роты, ранцевъ своихъ никогда не надѣвали.

Днѣвки у насъ были чрезъ два и три дня, т. е. каждый третій день мы стояли, потомъ стояли четвертый день, и по этому расчету двигались среднимъ числомъ сто верстъ въ недѣлю. Нельзя сказать, чтобы особенно торопились сокрушить дерзновеннаго врага.

Походъ до города Липецка былъ вообще благополучный. Въ Липецкѣ собрался весь первый эшелонъ, т. е. первый и второй баталіоны. Народонаселеніе Тамбовской губерніи довольно густо, села и деревни встрѣчаются довольно часто, и на двадцати, двадцати пяти верстахъ попадались по четыре-по пяти селеній. Но отъ Липецка до мѣста, гдѣ

долженъ былъ въ громадномъ селѣ размѣститься цѣлый эшелонъ, было тридцать шесть верстѣ.

Мы пришли въ Липецкъ по обыкновенію къ вечеру, при морозѣ градусовъ въ десять. На другой день по утру, часовъ въ шесть, мы въ первый разъ услышали музыку генераль-марша, который наигрывали барабанщики и горнисты двухъ баталіоновъ. Ничего, въ общемъ не дурно. Проснувшись подъ музыку, посмотрѣли въ окно и невольно поморщились, увидавъ отдаленные лучи восходящаго солнца, предвѣщавшаго болѣе морозный день; но это еще туда-сюда, путешествовали и при двадцати пяти градусномъ морозѣ, а вотъ тридцать шесть верстѣ, это насъ, признаться сказать, покорило, хотя мы еще не знали, что привалу для отдыха сдѣлать негдѣ. Но вотъ взошло солнце, грянулъ сборъ, и мы съ братомъ взяли ружья и пошли къ своей ротѣ. О солнце, солнце, лучше бы ты не всходило! Авось безъ тебя было бы потеплѣе, а то шестнадцать градусовъ мороза и тридцать-шесть верстѣ пути, да еще въ ранцахъ (солдаты). Да, коробило отъ холода и дистанціи.

Но вотъ батальоны выстроились, раздалась команда: „авангардъ впередъ! ружья вольно! знаменныя ряды прямо, прочіе направо и налево, вольнымъ шагомъ маршъ“. И шестьюрядными колоннами батальоны тронулись впередъ.

Прошло часа три, солнце скрылось, небо заволокло сначала облаками, потомъ тучами, пошелъ сухой снѣгъ, и задулъ небольшой вѣтеръ, перешедшій чуть не въ бурю. Не прошло и часа, какъ дорога была глубоко завалена сплошнымъ снѣгомъ. Когда было уже трудно идти, я посовѣтовалъ идущимъ вмѣстѣ со мной четверемъ товарищамъ идти впереди даже авангарда, чтобы не отстать, будучи увѣренъ, что если пойдемъ не впереди, то, отставая шагъ за шагомъ, мы очутимся въ хвостѣ колонны, растянувшейся въ это время почти на версту.

Что ты выдумалъ, Костяка? посмотри гдѣ авангардъ, вѣдь до него добрыхъ будетъ полверсты, сказалъ мнѣ одинъ изъ товарищей, хохолъ Переверзенко. Остальные же выразились: н-да, мудрено! Эхъ вы! возразилъ я, каждый-то изъ васъ много старше меня, и всѣ вмѣстѣ выдѣнаго яйца не стоите! Ну, слушай команду, играю сигналъ, сказалъ я и заплѣлъ сигналъ. „Нашъ чередъ, маршъ впередъ, выручимъ братьевъ въ дѣлѣ“. Не отставай ребята! крикнулъ я, прибавивъ шагу и перекидывая ружье съ одного плеча на другое. Но вотъ барабанъ забилъ фельдмаршъ, давая знать о приближеніи начальника, чтобы идти въ порядкѣ. Но это было только, такъ сказать, исполненіе дисциплины. (Какой тутъ могъ быть порядокъ!) Оказалось, что проскакалъ или,

вѣрнѣе, желалъ проскакать, а на самомъ дѣлѣ проѣхалъ, хотя и не особенно скоро, но все таки крупной рысью, командиръ полка въ своемъ легкомъ возкѣ. Было уже часа два или три, вьюга не уменьшалась, а мы шли уже впереди авангарда, поговаривая, придется ли намъ добратся до ночлега.

Что, хохоль, не плачешь? спросилъ я, обращаясь къ товарищу Переверзенко. Онъ не отвѣтилъ. Ну такъ затяни свою хохлатскую пѣсню, продолжалъ я, знаешь!

Віють витры, віють буйны,
Ажъ деревья гнутся.
О, якъ болыть мое сердце,
Тай слезы не льются.

— А у меня и сердце не бьется, проговорилъ онъ.

— А ноги не болятъ? спросилъ я его.

— Ни, не болятъ, тилько насилу, братику, иду; просто хошь ложись, тай вмирай.

Въ это время давно слышанный мною издали колокольчикъ почти уже догналъ насъ. Это была обратная тройка почтовыхъ лошадей. Ямщикъ, закрывшись рогожей, очевидно находился въ гостяхъ у Морфея.

— Врешь, говорю я Переверзенкѣ, хлопая его по плечу, со мной идешь, такъ не умрешь. Ребята, сюда! крикнулъ я и вскочилъ въ сани, поровнявшіеся въ это время съ нами.

Всѣ переутомленные товарищи, какъ будто воскресли и моментально очутились въ саняхъ. Ямщикъ вздумалъ было противорѣчить, но услышавъ мой возгласъ: „вышвырнуть его изъ саней, если онъ не поѣдетъ полной рысью“, онъ усѣлся на козлы, подобралъ возжи, и тройка помчалась. — Далеко ли до станціи? спросилъ я ямщика. Девять верстъ, отвѣчалъ онъ. Ну, это не далеко, лупи во всю, полтинникъ на чай дамъ. Тройка помчалась въ карьеръ.

Вотъ что, ребята, теперъ шевели ногами, да потирай руки хорошенько, чтобы не пріѣхать на станцію замороженными кочерыжками. Ничего доѣдемъ, отозвался ящикъ. Проскакавъ версты три, онъ осадилъ лошадей, обратился къ намъ и предложилъ пройти съ полверсты, говоря: вы, господа, пройдетесь держась за сани, идти вамъ будетъ не трудно, а ноги-то постоидутъ, я тоже немного погрѣюсь; ишь морозище лютый, вѣтеръ просто страсть, да и кони вздохнуть, ишь сердечные насилу дышать, по такой анаемской дорогѣ долго ли коней надсадить?

— Ладно, сказалъ я, умныя рѣчи хорошо и слушать.

Мы выскочили изъ саней, ухватившись за которые, стали отогрѣвать свои коченѣвшія ноги. Пройдя побольше полверсты, ямщикъ предложилъ намъ садиться, и когда мы усѣлись, добавилъ: ну, господа, теперь мы поѣдемъ рысцой, а то ей Богу не доѣдемъ, глянько-сь, чуть чуть не по колѣно нанесло снѣгу-то.

— Ладно, отвѣчалъ я за всѣхъ, какъ ни вези, только поскорѣе.

Черезъ часъ послѣ этого мы были уже на станціи, гдѣ смотрителемъ оказался бывший унтеръ-офицеръ. Встрѣтивъ насъ любезно, предложилъ намъ выпить чаю и сказалъ, что у него и самоваръ готовъ для дорогихъ гостей. Черезъ десять минутъ мы уже сидѣли за столомъ, на которомъ кромѣ чая были превосходные сливки и бѣлый домашній хлѣбъ. Восторгу нашему не было конца отъ любезности смотрителя, сообщившему также намъ, что нашъ командиръ полка за два съ половиною часа до нашего пріѣзда поѣхалъ въ село.

Просидѣвъ на станціи около часа, отлично отогрѣвшись, закусивъ и поблагодаривъ смотрителя, мы отправились дальше. Путь лежалъ проселкомъ, дороги никакой, но село было видно. Отправляясь на прямикъ и пройдя не болѣе четверти версты, были мы вдругъ удивлены, когда впереди увидѣли, версты за полторы, какую-то черную полосу длиною версты въ двѣ. Но наше недоумѣніе разсѣялось, когда это полоса быстро стала приближаться къ намъ. Не прошло четверти часа, мимо насъ, одна за другой, во весь карьеръ промчались одиночныя подводы, высланныя командиромъ полка для поднятія всего эшелона. Подводъ было, какъ мы послѣ узнали, болѣе шестисотъ, чему конечно способствовало громадное село. Мы радовались, что намъ придется идти по торной дорогѣ. И дѣйствительно, дорога была чрезвычайно укатана, вѣтеръ и снѣгъ стихли, пока мы сидѣли на станціи.

Нутка, по первопутку навалилась, ребята!

Такъ смѣялся одинъ изъ товарищей. Мы всѣ дѣйствительно навалились и легли такъ, что не слышали подъ собою ногъ.

На другой день, когда мы свидѣлись съ прочими товарищами и рассказали имъ о нашемъ путешествіи, они сдѣлали намъ замѣчаніе, почему мы не воспользовались ни одной подводой, чтобы не идти послѣднихъ шести верстъ.

Да развѣ мыслимо было отнять хоть одну подводу изъ спѣшившихъ для спасенія двухъ тысячъ человѣкъ?

Послѣдствія этого перехода были ужасны. Я не могу конечно передавать это за достовѣрное; но по слухамъ, кромѣ многихъ заболѣв-

шихъ, было замерзшихъ до сорока человѣкъ. Въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ были не отысканы. Очевидно, они упали отъ изнеможенія и были уже занесены снѣгомъ.

Второй эшелонъ въ этотъ день шелъ въ городъ Липецкъ, но такъ какъ въ томъ переходѣ часто встрѣчались деревни и села, то роты останавливались въ томъ селеніи, гдѣ ихъ застигла метель, чѣмъ разрѣшалось уставомъ. И благодаря этому, тамъ никакихъ несчастій съ людьми не было.

Въ этотъ вечеръ я подвергся допросу отъ товарищей, почему они меня видятъ очень рѣдко во время переходовъ? Чертъ тебя знаетъ, говорилъ Переверзенко, рота строится, ты тутъ, а тронулась, тебя никами чертями не отыщешь, рѣдко когда ты идешь.—А это видите почему, отвѣчалъ я: какъ только рота тронется, я сейчасъ же назадъ въ избу досыпать, а во снѣ вижу, что мнѣ Чертъ Ивановичъ Верекинъ подаетъ лошадь и говоритъ: „Садись, Костька, рота-то твоя уже къ ночлегу подходитъ“. Ну я, значить, одѣнусь какъ слѣдуетъ, возьму ружье и только успѣю сѣсть въ сани, какъ замелькаютъ передъ глазами деревни, села, лѣса, поля, рота, и у перваго квартирьера Чертъ Ивановичъ останавливается и спрашиваетъ: „гдѣ квартира для Константина Ивановича“. Квартирьеръ уже привыкъ отвѣчать и говоритъ: у Пахомова или у вдовы Акулины и т. п. (чертъ всѣхъ знаетъ), ну значить и лупишь прямо туда. Ну, а на другой день таже пѣсня.

— Такъ, сказалъ Переверзенко, это значить ты, какъ Гоголевскій кузнецъ Вакула на чертѣ ѣздишь. Похвально. Только ты дурака-то не валяй, а скажи, какъ это ты ухитряешься? Вѣдь не нанимаешь же ты лошадь на каждый переходъ.—Откуда же мнѣ взять на наемъ лошадей? отвѣчалъ я, а если хотите правду знать, слушайте.

Вы квартирьера поручика Бушуева знаете? Знаемъ, отвѣчали всѣ разомъ. Ну тажъ видите, помнишь, Переверзенко, въ Апрѣлѣ прошлаго года, какъ насъ съ тобой завѣдывающій командой поставилъ къ воротамъ на часы за то, что мы не ночевали дома и пришли утромъ, когда ученье уже было кончено. Помню, отвѣчалъ онъ. Ну такъ, значить, помнишь и то, какъ я издали принялъ Бушуева за командира полка и сдѣлалъ ему на караулъ, послѣ чего онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ спрашивать, какъ моя фамилія и давно ли я поступилъ. Узнавъ, что въ Январѣ, онъ пожалъ плечами и ушелъ, а черезъ десять минутъ насъ съ тобой отпустили.—Помню и это.—Такъ видишь, я этого самого Бушуева послѣ видалъ у прапорщика Востроухина, котораго я зналъ еще юнкеромъ предъ производствомъ его въ офицеры, а такъ

какъ Бушуевъ квартиррьеръ, онъ же и назначаетъ подводы для роты, такъ я и просилъ его назначать въ нашу роту одной подводой больше. Теперь поняли? Да поняли. Счастливецъ, чертъ тебя возьми, больше ничего.

Придя въ Богучарскій уѣздъ Воронежской губерніи, нашъ полкъ былъ остановленъ и, простоявъ двадцать дней, двинулся по новому маршруту: вмѣсто Ставрополя повернули въ крѣпость Анапу.

Пришли въ Новочеркасскъ, гдѣ назначена была намъ дневка. Бывшій въ то время наказный атаманъ Хомутовъ, пропуская мимо своего дома роты, въ день выхода изъ Новочеркасска, угощалъ насъ Донскимъ, а офицеры, кажется, были у него на завтракъ. Вообще же походъ по землѣ Войска Донского на всѣхъ оставилъ отличное впечатлѣніе за ихъ чрезвычайно радушный пріемъ.

На послѣдней Аксайской станицѣ близъ Ростова у насъ отобраны были каски, и мы уже пошли въ фуражкахъ. Прощай, Донъ, прощай и подводы! Въ Землѣ Войска Черноморскаго намъ уже не давали подводъ, и всѣ люди шли въ ранцахъ кромѣ юнкеровъ, которые по приказанію командира полка были освобождены отъ этого удовольствія.

Не доходя верстъ полутораста до Екатеринодара, со мной сдѣлалась лихорадка. Сначала я думалъ, что она потреплетъ, потреплетъ да и пройдетъ; но она не желала оставить меня, а я не желалъ оставаться въ одной изъ станицъ, въ ста верстахъ отъ Екатеринодара. Нѣкоторые совѣтовали мнѣ остаться, другіе же увѣряли, что, придя въ Екатеринодаръ, они меня вылечатъ безъ всякаго госпиталя.—Не бойся, Костя, говорилъ мнѣ Переверзенко, придемъ въ Екатеринодаръ, тамъ дневка, вылечимъ.

Не понимаю, откуда у меня взялась сила пройти сто верстъ въ недѣлю. Жаръ все усиливался и усиливался, наконецъ пришли. На другой день приходитъ ко мнѣ Переверзенко и говоритъ: „пойдемъ, Костя, лечиться“. Я спрашиваю, куда? Въ трактиръ, говоритъ; сразу вылечимъ. Я отправился съ нимъ и засталъ уже въ трактирѣ и другихъ товарищей. Сначала мы пообѣдали, потомъ спросили чаю и бутылку рому.—Что это? спрашиваю я; сначала пообѣдали, а потомъ ромъ будете пить?—Ну да, пуншъ. Это слово было для меня новое, я его еще ни разу не слыжалъ.—Вотъ сей часъ тебя будемъ лечить, сказалъ Переверзенко, наливъ немного болѣе полустакана чаю и доливъ его ромомъ.—Пей, Костя, все у тебя пройдетъ.—Да я никогда этого не пилъ, должно быть очень крѣпко. Попробовалъ.—Пей, ничего, ваяй разомъ. Я выпилъ, подошелъ къ зеркалу, посмотрѣлъ на себя

и удивился своему виду: глаза у меня налиты были кровью. Что смотришься, пей другой, все пройдетъ, не бойся, сказалъ одинъ изъ товарищей. Какая гадость, отвѣтилъ я, хуже всякой хины, и я залпомъ выпилъ второй стаканъ. Ну и вылечили.

На другой день, часовъ въ семь утра, я открылъ глаза, и мнѣ представилась довольно обширная комната съ двѣнадцатью кроватями. Э, э, подумалъ я, ловко! Госпиталь, какъ же я сюда попалъ? Помню, что я вчера былъ въ трактирѣ и только. И на вопросъ, когда же меня сюда привезли, мнѣ отвѣтили, что вчера вечеромъ. Что я былъ пьянъ, это еще можетъ быть, но чтобы я вслѣдствіе этого ничего не помнилъ, этого быть не можетъ. Тутъ было что нибудь особенное, что осталось для меня неразъяснимымъ.

Палата, въ которую меня помѣстили, была солдатская. Пришелъ генераль штабъ-докторъ (Хохоль) и сталъ спрашивать меня подробно о моей болѣзни. Я далъ ему ясные отвѣты и сказалъ о лекарствахъ, которымъ хотѣли меня вылечить товарищи. Онъ покачалъ головой, прописалъ хину и велѣлъ перевести меня въ офицерскую палату, находящуюся въ томъ же зданіи чрезъ корридоръ. Перейдя въ офицерскую палату, я былъ очень обрадованъ, найдя тамъ поручика нашего полка Янина, поступившаго наканунѣ. У него была тоже лихорадка. Я поправился ранѣе его на недѣлю, но ожидалъ его выписки: онъ, какъ офицеръ, ѣздилъ на почтовыхъ и могъ меня взять съ собой. Мы пролежали съ нимъ шесть недѣль и пріѣхали въ крѣпость Анапу уже въ Маѣ мѣсяцѣ.

Бытность въ Анапѣ, безцѣльное путешествіе полка въ Новороссійскъ, экспедиція части полка въ Геленджикъ, который былъ сожженъ, возвращеніе въ Анапу и стоянка на позиціи Кичегеевскихъ высотъ ничего интереснаго не представляли. Въ Іюль третій батальонъ выступилъ въ г. Керчь, и всѣ юнкера, поступившіе рядовыми, были переведены въ третій батальонъ, что ясно доказывало, что въ Керчи будетъ производиться намъ экзаменъ.

Придя въ Керчь (чрезъ Азовское море мы переѣхали на пароходѣ изъ Тамани), нашъ батальонъ сталъ лагеремъ верстахъ въ трехъ отъ Керчи на берегу Чернаго моря, почти у самого пролива. Лагерная жизнь была очень однообразная: по утру купались, вечеромъ тоже, изрѣдка ходили въ Керчь, путешествовали на Митридатъ. Въ Августъ мы объѣдались арбузами, которые возили намъ Татары по три, по четыре воза и распродавали всѣ безъ остатка, вслѣдствіе безобразно дешевой цѣны. Недѣли чрезъ полторы люди начали заболѣвать раз-

стройствомъ желудка. Татарамъ вслѣдствіе этого запретили привозить арбузы, но они не слушались и продолжали пріятную для насъ свою торговлю. Имъ сказали другой и третій разъ, все напрасно: ѣздить себѣ и ѣздить. Тогда прибѣгли къ крайнему средству: велѣли фельд-фебелямъ уговорить также привезти въ Воскресенье побольше арбузовъ, такъ какъ у насъ, якобы особый праздникъ. И дѣйствительно, въ Воскресенье Татары явились на шести лошадяхъ и съ лучшими арбузами. И только они остановились, весь батальонъ бросился на ура и расхваталъ всѣ арбузы уже безъ всякой цѣны. Тѣмъ и пресѣклась подвозка арбузовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣзнь.

Въ этомъ мѣсяцѣ всѣхъ юнкеровъ потребовали въ штабъ Керченскаго гарнизона для держанія экзамена. Мы отправились. Дорогой начался разговоръ, кто можетъ выдержать, кто не можетъ. Одинъ говоритъ: я изъ этого провалюсь, другой изъ этого.—А вотъ я, вмѣшался я въ разговоръ, если меня будутъ спрашивать, такъ скажу, что я ничего не помню, потому что думаю не о томъ. Ахъ ты, Костька проклятый, что же скажешь, если тебя спросятъ, о чемъ ты думаешь? Эхъ ты чумичка, отозвался я, ты думаешь у меня отвѣта не найдется? Изволь. Я ему скажу, что думаю о своемъ ружьѣ, какъ бы его промѣнять на штуцеръ, такъ какъ мое ружье въ саженную мишень на двѣсти шаговъ только одинъ разъ попало и то въ нижній уголъ, а когда мнѣ было только двѣнадцатъ лѣтъ, то я изъ пистолета на тридцать шаговъ въ четвертушку бумаги промаху не давалъ. Тутъ нашъ разговоръ былъ оборванъ приходомъ въ штабъ. Насъ ввели въ большую довольно комнату. У одной стѣны стояла черная доска для рѣшенія задачъ. Прождавъ минутъ двадцать, къ намъ вошелъ капитанъ генеральнаго штаба. Ну господа, я долженъ васъ проэкзаменовать; начнемте по порядку съ праваго фланга. Начнемте съ географіи. Скажите какія рѣки впадаютъ въ Сѣверный океанъ? Печера, Мезень, Сѣверная Двина и Онега, отчеканилъ право-фланговый.—Хорошо. А скажите пожалуйста, чѣмъ замѣчательна крѣпость Тулонъ? Тулонъ замѣчательна тѣмъ, что тамъ изобрѣтенъ штыкъ.—Очень хорошо, сказалъ капитанъ и, подойдя къ доскѣ, онъ написалъ алгебраическую задачу. Теперь потрудитесь рѣшить эту задачу, а чтобы не терять время, пока вы будете рѣшать, мы займемся съ вашимъ товарищемъ. Потрудитесь подойти, сказалъ капитанъ, взглянувъ на правый флангъ. Но едва онъ успѣлъ это выговорить, какъ изъ корридора съ шумомъ распахнулась дверь, и къ намъ ввалился стройный веселый какой-то жизнерадостный генералъ (начальникъ штаба). Здравствуйте, господа, обратился онъ къ намъ. Послѣдовалъ дружный отвѣтъ, какъ одинъ

голосъ: здравія желаемъ, ваше превосходительство! Чѣмъ это вы тутъ занимаетесь? обратился онъ къ стоявшему у доски товарищу.—Рѣшаю алгебраическую задачу, ваше превосходительство.—Эхъ проклятыя эти задачи; много я отъ нихъ горя видѣлъ, когда былъ въ корпусѣ. А нужны-то онѣ только тѣмъ, которые идутъ въ Академію Наукъ. Тѣмъ же, кто идетъ въ академію жизни, да еще на войну, тому нужно знать, какъ обращаться съ ружьемъ, а главное съ солдатомъ. Помните, господа, что первое условіе для офицера—заставить солдата полюбить себя; это достигается сердечнымъ и справедливымъ къ нему отношеніемъ: за любимымъ начальникомъ солдатъ пойдетъ въ огонь и въ воду. Вотъ вамъ моя лекція на прощанье. Не забывайте ея; она не очень длинна, а затѣмъ поздравляю васъ всѣхъ подпрапорщиками и унтеръ-офицерами. Почтительное наклоненіе всѣхъ головъ было отвѣтомъ.—Постарайтесь работать хорошенъко штыкомъ, если придется, продолжалъ онъ. Постараемся, ваше превосходительство, отвѣтили всѣ дружно. Охулки на руку не положимъ, ваше превосходительство, былъ-бы только случай, вставилъ я. Эти слова, или слишкомъ юное не по годамъ мое лицо очевидно заинтересовало генерала. Онъ подошелъ ко мнѣ и, положивъ мнѣ руку на плечо, спросилъ: скажите пожалуйста, сколько вамъ лѣтъ? Въ Январѣ исполнилось восемнадцать, ваше превосходительство, отвѣчалъ я. Вы изъ какого сословія? продолжалъ генераль. Я отвѣтилъ, что изъ потомственныхъ дворянъ. Когда же вы поступили на службу?—Полтора года тому назадъ, ваше превосходительство, ровно семнадцати лѣтъ. Генераль пожалъ плечами, хлопнулъ меня по плечу и, сказавъ: молодець! обратился ко всѣмъ. Ну прощайте, господа, желаю вамъ всего хорошаго, и съ тѣмъ направился къ двери въ сопровожденіи капитана-экзаменатора. Ура! не сговариваясь крикнули мы всѣ въ одинъ голосъ и стали выходить въ жизнерадостномъ настроеніи. Кто имѣлъ деньги, отправились въ трактиры выпить за здоровье генерала и поздравить другъ друга съ блестящимъ окончаніемъ экзамена.

Около половины Сентября, къ намъ пришелъ нашъ полкъ изъ Анапы, и на другой день нашъ батальонъ снялся съ лагеря и, присоединившись къ полку, построился, какъ и остальные батальоны, къ атакѣ въ колонну. Затѣмъ двинулись съ прочими батальонами по дорогѣ въ Севастополь форсированнымъ маршемъ, т. е. безъ ночлеговъ. Порядокъ форсированнаго марша былъ слѣдующій. Часть полкового обоза (кухни и продовольствія) выступала раньше полка впередъ, и на назначенномъ разстояніи приготавлился обѣдъ; когда же приходилъ полкъ, сей часъ же начинался обѣдъ, послѣ котораго кухни слѣдовали дальше и приготавливался ужинъ, который уничтожался немедленно по приходѣ полка и т. д. Полку давалось время на обѣдъ два часа и на ужинъ

три. Кромѣ этихъ останонокъ были и другія въ видѣ привала. Онѣ дѣлались, когда полкъ растягивался по дорогѣ длинной лентой. Тогда знамя перваго батальона останавливалось и какъ скоро первый батальонъ сомкнется, останавливалось знамя втораго батальона и т. д., пока не сомкнется весь полкъ, послѣ чего онъ двигался дальше. Такимъ маршемъ полкъ прошелъ отъ Керчи до Симферополя въ четыре дня. Большая масса солдатъ отстала и прибывала въ Симферополь на другой и на третій день. Но такъ какъ знамена и штабъ полка прибыли, значитъ прибылъ и полкъ, хотя бы въ немъ была половина или менѣе людей.

Простоявъ въ Симферополѣ три или четыре дня, полкъ двинулся къ Севастополю, и на третій день мы остановились бивакомъ на Бельбекѣ, въ концѣ громаднхъ садовъ, тянувшихся на нѣсколько верстѣ. Кстати, при началѣ этихъ садовъ у насъ былъ приготовленъ обѣдъ, состоявшій изъ борща. Что же это былъ за борщъ! Это какая-то прелесть, и подобнаго борща я уже не ѣдалъ ни въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ ресторановъ Москвы и Петербурга. И если-бъ не проклятый виноградъ, котораго я съѣлъ только одну кисточку, вершковъ шесть или семь длины, то мнѣ конечно не пришлось бы ѣхать на ротной телѣгѣ, страдая и корчась отъ боли живота.

На Бельбекѣ мы простояли около педѣли, и въ эту недѣлю былъ одинъ инцидентъ, который, надо полагать, задержалъ мое производство въ офицеры почти на цѣлый годъ. Инцидентъ этотъ вышелъ совершенно случайно и неожиданно. Однажды приносятъ ужинъ, состоявшій изъ какой-то синей воды, въ которой изрѣдка плавали крупинки. Посмотрѣвъ на эту мерзость, я, ничего не говоря, отвернулся, но ничего не сказалъ. Даже мысленно я никого не винилъ, приписавъ это обстоятельство неизбѣжнымъ случайностямъ войны. Находясь въ интервалахъ между батальонами, мнѣ бросились въ глаза уютно поставленные два желѣзныхъ котелка, одинъ съ кашей, а другой съ какимъ-то горячимъ.—Это что такое? спрашиваю я у солдатика, помѣшавшаго въ котелкахъ.—Это для господина фельдфебеля, отвѣчалъ онъ.—Какой роты? Нашей восьмой (тогда знаменной). Больше вопросовъ не послѣдовало, за то послѣдовалъ ударъ ноги по котелкамъ, которые разлетѣлись въ разныя стороны на приличное разстоянiе.—Что вы сдѣлали, Константинъ Ивановичъ? перепугавшись воскликнулъ оробѣвшій солдатикъ.—Да ты ослѣпъ, что ли, что спрашиваешь, сказалъ я: ступай, доложи своему начальству, что сегодня ужина не будетъ. И я ушелъ въ другой батальонъ къ одному изъ товарищей. Не прошло четверти часа, какъ меня потребовали къ батальонному командиру.

Ну, подумалъ я, на расправу, и пропѣлъ про себя сигналъ, который дается колоннѣ, чтобы ударить въ штыки: „За Царя и Русь Святую уничтожимъ хоть какую рать враговъ“.

Батальоннаго командира нашелъ я окруженнаго четырьмя ротными командирами нашего батальона. Вы изволили меня требовать, Павелъ Васильевичъ? произнесъ я, остановясь предъ нимъ безъ фуражки, какъ требовалось по уставу (мы называли его по имени и отчеству, и онъ говорилъ „ты“ только тѣмъ, кого любилъ).—Да, отвѣчалъ онъ. Скажи мнѣ пожалуйста, что ты тамъ солдатъ волнуешь. Не стыдно ли тебѣ: вѣдь ты самъ можешь быть ротнымъ командиромъ, и у тебя могутъ быть разныя упущенія.—Павелъ Васильевичъ, сказалъ я, никогда я не позволю себѣ ни волновать солдатъ, ни высказывать какое бы то ни было неудовольствіе на ротнаго командира, а тѣмъ болѣе на васъ. Если же на ужинъ подали какую-то бурду въ видѣ помоевъ, значить лучше приготовить было нечего. Это вѣдь неизбѣжныя случайности войны, и этихъ случайностей впереди можетъ быть много, и ни разу съ моего языка не сорвется ни малѣйшаго упрека кому бы то ни было. Но если я увидѣлъ, что для фельдфебеля готовится по особому заказу ужинъ, состоящій изъ мясного (ужинъ полагался безъ мяса съ саломъ), да еще и съ кашей, то я конечно не могъ иначе поступить, основываясь на томъ, что фельдфебель, какъ старшій унтеръ-офицеръ въ ротѣ, долженъ, обязанъ показывать примѣръ ротѣ (долженъ и обязанъ, я сильно подчеркнулъ). И если это довести до свѣдѣнія командира полка, то онъ галуны споретъ съ фельдфебеля, добавилъ я, кончая свою защитительную рѣчь.—Да это конечно дурно съ его стороны, и я надѣюсь, что подобнаго пассажи болѣе не произойдетъ, сказалъ батальонный командиръ, обращаясь къ ротному командиру, который конечно могъ только промолчать на это. А ты, безпардонный, не больно увлекайся, сдерживай свои порывы, будь поосторожнѣй, не хорошо. Ну, примиритесь, добавилъ онъ, взявъ мою руку и вложивъ ее въ руку ротнаго командира. Ей Богу у меня даже мысли не было, чтобы сдѣлать вамъ какую-либо неприятность, говорилъ я, потрясая руку ротнаго командира и, повернувшись налѣво кругомъ, я отправился въ свой батальонъ. Что, влетѣло? спросилъ меня Переверзенко.—Ну, я не изъ такихъ, чтобы мнѣ когда нибудь и отъ кого нибудь влетало. А вотъ ротнаго такъ покорило, когда я сказалъ, что если все какъ было довести до свѣдѣнія командира полка, то онъ съ фельдфебеля галуны споретъ, отвѣчалъ я.—Ты такъ и сказалъ?—Такъ и сказалъ, какъ чувствовалъ; что-жъ тутъ такого?—Ну и отчаянный же ты, Костька, заключилъ Переверзенко.

23-го Сентября послѣ обѣда нашъ полкъ снялся съ позиціи и пошелъ въ Севастополь. Придя вечеромъ на Сѣверную сторону и простоявъ часа полтора, мы отправились на одномъ изъ военныхъ пароходовъ на Южную сторону, гдѣ и высадились близъ Михайловской батареи, а оттуда отправились на Карабельную площадь.

Поутру нашъ батальонъ помѣщенъ былъ у земляной оборонительной стѣнки, между Малаховымъ курганомъ и вторымъ бастиономъ.

Прошло два дня, а на третій одинъ изъ унтеръ-офицеровъ сообщилъ мнѣ, что меня отыскивалъ адъютантъ второго батальона, который просилъ меня зайти къ нему. Не зная, кто такой батальонный адъютантъ, я отправился на второй бастионъ, гдѣ стоялъ второй батальонъ и къ удивленію моему узналъ, что это мой знакомый, прапорщикъ Вострухинъ, недавно назначенный адъютантомъ второго батальона. Поздоровавшись, онъ мнѣ сообщилъ, что меня просить зайти поручикъ Владимирскаго полка нѣкто Зейдеръ, котораго моя матушка просила повидать меня въ Севастополѣ, если наши полки сойдутся. А такъ какъ онъ раненый, находясь въ госпиталѣ морскихъ казармъ узналъ, что нашъ полкъ пришелъ, то велѣлъ отыскать Вострухина, какъ стараго знакомаго и чрезъ него сообщилъ и мнѣ о своемъ желаніи видѣть меня. Поблагодаривъ Вострухина, я сейчасъ-же отправился въ госпиталь, гдѣ безъ труда отыскалъ Зейдера, и послѣ первыхъ привѣтствій и разспросовъ о матушкѣ, я сталъ его спрашивать о впечатлѣніи, какое произвело бывшее сраженіе при Альмѣ 8-го Сентября, гдѣ онъ былъ раненъ. Впечатлѣніе, голубчикъ, сказалъ мнѣ Зейдеръ, самое удручающее, и что всего хуже, такъ это то, что на всѣхъ напала паника. Что такое паника? спросилъ я, не понимая значенія этого слова. Струсили что ли?—Нѣтъ, гораздо хуже. Всѣ растерялись и не знали, что дѣлать. Да отчего-же, разъясните? допрашивалъ я Зейдера. А вотъ видите, началъ онъ, когда мы двинулись въ атаку, конечно колоннами, не доходя до непріятеля тысячи двѣ шаговъ, нашъ батальонъ былъ разсыпанъ въ цѣпь. Непріятель тоже приближался, имѣя впереди довольно густую цѣпь, которая, не доходя до насъ шаговъ восемьсотъ, открыла огонь. Смотримъ, у насъ стали валиться убитые и выходить изъ строя раненые. Наша цѣпь тоже открыла огонь; но что онъ значилъ, когда въ нашей цѣпи имѣлось только девяносто шесть штуцеровъ (комплектъ на весь полкъ), могущихъ стрѣлять на такую же дистанцію, какъ и непріятельскія ружья, съ тою только разницею, что изъ непріятельскаго ружья можно сдѣлать по меньшей мѣрѣ два выстрѣла, пока штуцеръ нашъ сдѣлаетъ одинъ. Тутъ-то и произошла паника. Мы стояли минутъ десять, тяжелыхъ десять минутъ, или

четверть часа, не зная что дѣлать, и такъ стояли всѣ полки, которые были въ дѣлѣ. Только одни штуцерные батальоны да пластуны здорово поражали непріятеля, но много ли ихъ было? Всего три или четыре. Наконецъ, видя бесплодную трату людей, полки начали отступать; но по чьему приказанію, неизвѣстно. Въ какое же время вы ранены и куда? полюбопытствовалъ я. Раненъ я въ лѣвую ногу, предъ самымъ отступленіемъ, и вотъ почти три недѣли, а рана нисколько не идетъ на улучшеніе. Говорять, на будущей недѣлѣ увезутъ на Сѣверную или въ Симферополь. Видя, что Зейдеръ усталъ, я сталъ съ нимъ прощаться, желая ему поскорѣе выздоровѣть. Подождите, сказалъ онъ, къ вамъ есть порученіе отъ вашей матушки и, вынувъ изъ бумажника двадцать пять рублей, передалъ мнѣ, говоря: Да совсѣмъ забылъ: навѣстите Александра Петровича Глушкова, онъ тоже раненъ, только находится не здѣсь, а въ сухопутномъ госпиталѣ.

Получивъ двадцать пять рублей и простившись съ милымъ поручикомъ, я на крыльяхъ радости полетѣлъ въ сухопутный госпиталь, гдѣ скоро отыскалъ и Глушкова. Когда я вошелъ, онъ былъ очень обрадованъ и говорилъ, что будетъ хлопотать, чтобы его отпустили въ Москву, для излеченія раны. Ну вотъ тоже, сказалъ я, какая у тебя рана (мы были съ нимъ на ты), навѣрно не сквозная, не бойсь, задохла въ жару, посмѣялся я. Какъ ты узналъ, что я здѣсь, и давно ли вы пришли? Я отвѣтилъ на оба вопроса, немного посидѣлъ и сталъ прощаться. Скажи пожалуйста Вострухину, что онъ за невѣжа: не побываетъ у меня, сказалъ Глушковъ. Прощаясь съ нимъ, я просилъ его, если онъ поѣдетъ въ Москву, передать моей матушкѣ, что я видѣлъ Зейдера, получилъ отъ него посланные мнѣ деньги и что я живъ, здоровъ, чего и ей желаю.

Возвращаясь прямой дорогой по направленію къ Малахову кургану, я увидалъ на какой-то площади стоящій бивуакомъ батальонъ Т...го полка, одной съ нами дивизіи, вспомнивъ, что двоюродный мой братъ служить въ этомъ полку, я хотѣлъ спросить о немъ, какъ вдругъ онъ явился передо мной. Костя, ты откуда? Когда вы пришли?—Стой, сказалъ я ему поздоровавшись, все расскажемъ другъ другу, только не здѣсь, а въ трактирѣ. Пойдемъ, у меня деньги есть. Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ братъ; ѣсть страсть какъ хочется! Ты вотъ еще юнкеръ, а съ деньгами, а я уже три мѣсяца какъ произведенъ, а денегъ все нѣтъ; по рапорту взялъ уже двадцать пять рублей, а изъ дома еще ни одного письма не получилъ. Не знаю что и подумать.—Я тоже, отвѣтилъ я, вотъ только сейчасъ получилъ отъ матушки чрезъ Зейдера.

Придя въ трактиръ и занявъ уютный столикъ, мы спросили себѣ обѣдъ и принялись за рассказы, какъ про походъ, такъ и про бой восьмого Сентября. Сначала разговоръ шелъ съ антрактами, работающія во всю челюсти не позволяли толково выражаться, и только кончивъ обѣдъ и спросивъ чаю, мы начали разговоръ какъ слѣдуетъ.

А скажи ты мнѣ, допрашивалъ я, какъ вамъ Французы трѣпку дали?—Убирайся къ черту, рассердился онъ. Что же мы могли сдѣлать, имѣя вмѣсто ружей свѣтлыя палки. Только и стрѣляли одни штуцерные, а ихъ, ты самъ знаешь, въ полку только девяносто шесть (двадцать четыре на батальонъ, они становились на каждый уголъ по шести при построикѣ колонны въ каре). Удивляюсь, говорилъ я, какъ это Французы не погнали васъ къ Сѣверной сторонѣ, чтобы утопить въ бухтѣ, или не бросили васъ въ яму Бахчисарая: это для нихъ вѣдь не представляло никакого препятствія.—Это пожалуй, что и вѣрно; но ты видишь, что этого не случилось, значитъ нельзя было, и они теперь стоятъ подъ Балаклавой, сказалъ братъ. Ну хорошо, продолжалъ я, что же они зѣваютъ и не взяли до сихъ поръ Севастополя? Вѣдь здѣсь, какъ мы пришли, было только два резервныхъ батальона Минскаго и Волынскаго полковъ, да шесть-семь тысячъ моряковъ, которыхъ сейчасъ обучаютъ, какъ заряжать ружья. А на батарее и бастионы только съ нашимъ приходомъ стали таскать орудія по ночамъ, для чего у насъ уходитъ чуть не половина людей. Вѣдь они могли взять Севастополь, взойдя въ него съ музыкой и распущенными знаменами.

— Это по твоему, заспорилъ братъ; въ томъ то и дѣло, что они увѣрены, что у насъ здѣсь пятьдесятъ тысячъ войска и батареи съ бастионами все вооружены. Вѣдь амбразуры-то закрыты, и имъ отсюда не видно, есть орудія или нѣтъ.

— Ладно, говорилъ я, славны бубны за горами; только не вѣрится, чтобы они не знали, что у насъ есть и чего нѣтъ, когда Татары везутъ имъ даже провизию.

— Да ну ихъ къ черту, сказалъ братъ; а вотъ ты послушай, какъ нашъ начальникъ дивизіи разговаривалъ съ главнокомандующимъ княземъ Меншиковымъ. Потѣха!—Ну говори, говори, спрашивалъ я, что такое?—А вотъ видишь, при отступленіи они встрѣтились. Князь и говоритъ начальнику дивизіи, показывая рукой на отступающіе три полка: „Генераль, генераль, дивизія-то“. А онъ ему въ отвѣтъ: Ваша свѣтлость, армія-то, армія-то“, тоже указывая на все пространство занимаемое отступавшей арміей.

Простившись съ братомъ, я отправился на свою позицію и на Корабельной площади встрѣтилъ одного изъ своихъ товарищей, марширующаго въ трактиръ. Онъ сообщилъ мнѣ, что нашъ батальонъ перешелъ въ Ушакову балку и сталъ тамъ лагеремъ, а для насъ, юнкеровъ нашего батальона, устроили одну общую палатку, для чего обрубили нѣсколько деревьевъ и покрыли ихъ громаднымъ парусомъ, присланнымъ изъ морского вѣдомства, на каждый батальонъ по парусу.—Твое ружье и сумку перенесли въ палатку, добавилъ онъ.—Гдѣ же наша палатка? спросилъ я.—Да почти у самой стѣны, впереди батальона (въ Ушаковской балкѣ былъ садъ, обнесенный каменной стѣной со стороны площади и со стороны зданій Брестскаго полка, уведеннаго на Кавказъ задолго до прихода непріятельской эскадры), отвѣчалъ онъ, приглашая меня вернуться и вмѣстѣ напиться чаю въ трактиръ, усердно нами посѣщаемомъ. Я отказался, сказавъ, что уже напился и спѣшу отдохнуть, чувствуя порядочную усталость и необходимость принять горизонтальное положеніе. Временное надземное, усмѣхнулся онъ; а скоро, братъ, придется пожалуй принять и подземное. Орудія тащутъ, какъ говорятъ, во всю, и Малаховъ курганъ дня черезъ три будетъ совсѣмъ готовъ, какъ мнѣ говорили. Сегодня я туда ходилъ полюбопытствовать. Платформы подъ орудія уже готовы. Сегодня первый батальонъ ушелъ въ цѣпь, добавилъ онъ; завтра пойдетъ второй, а затѣмъ и нашъ.—А гдѣ стоятъ наши батальоны? спросилъ я.—Да первый сегодня въ цѣпи, второй въ оборонительныхъ казармахъ у перваго бастиона, а четвертый на второмъ бастионѣ; завтра первый батальонъ вступитъ на мѣсто второго, такъ и будемъ мѣняться своими позиціями черезъ каждые три дня.—Ну до свиданія, сказалъ я, пойду спать. И отправился въ новое помѣщеніе, которое, оказалось, отлично защищало отъ лучей палившаго въ то время солнца, и по размѣру избавляло отъ невозможной духоты солдатскихъ палатокъ.

— Посмотри, посмотри, Костя, какую мы дачу устроили, пока ты пропадалъ. И куда тебя чертъ носилъ съ ранняго утра почти до вечера? спрашивали товарищи. Я объяснилъ, гдѣ былъ, что дѣлалъ и что слышалъ про бой восьмого Сентября.—Да, сказалъ Переверзенко; поэтому въ полевыхъ сраженіяхъ намъ будетъ, какъ говорится, крышка, и каждый разъ намъ будутъ давать трепку.

-- Въ этомъ, пожалуй, и сомнѣваться нельзя. говорилъ я; гдѣ же намъ съ нашими полками идти противъ ружья, бьющаго на тысячу двѣсти шаговъ? Вотъ приемы дѣлать, это особая статья:—ловко и красиво выходить. Ну да мы свое возьмемъ, въ долгу не останемся. Не хотѣли брать Севастополя со своей музыкой, такъ пусть попро-

буютъ взять штурмомъ съ нашей подь акомпаниментъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ. Да кстати познакомятся съ Русскимъ удалымъ рукопашнымъ боемъ.

— Эхъ, Костька-подлецъ, это ты изъ Лермонтовскаго „Бородино“ всгавиль. Ну молодець, находчивъ, и память хорошая, замѣтилъ кто-то изъ товарищей.

Числа около тридцатаго Сентября, когда пришла еще одна или двѣ дивизіи, насъ вывели впередъ укрѣпленій и, для устрашенія непріятели массою войскъ, велѣли выстроиться въ ротныя колонны. На, молъ, посмотри, сколько у насъ колоннъ, а издали-то не вдругъ узнаешь, какія это колонны. Ну какъ батальонныя, тогда и ста тысячъ войскъ мало, чтобы взять штурмомъ неприступные бастионы, редуты и батареи. Мы уже разсуждали такъ: Чтò это, братцы, неужели мы пойдемъ въ сраженіе? спрашивалъ кто-то.—А чертъ ихъ знаетъ, чтò они дѣлають, отвѣтилъ чей-то голосъ. Смотри, смотри, Костя; видишь на правомъ флангѣ выносятся артиллерія. Чтò это значить? А мы стоимъ въ двухъ стахъ саженьяхъ отъ укрѣпленія, говорилъ Переверзенко. Но въ это время раздался ружейный выстрѣлъ и поразилъ на повалъ одного унтеръ-офицера нашей роты. Пуля угодила въ нижнюю часть головы сзади и вышла на вылетъ. Это произошло отъ того, что сзади стоявшій солдатъ, надѣвъ пистонъ и спуская курокъ, не удержалъ его, и выстрѣлъ грянулъ.—Ахъ Боже мой, сказалъ Переверзенко, царство тебѣ небесное. Да, сказалъ я, такъ видно суждено, на то воля Божія. Не забудь, Переверзенко, вѣрь въ предопредѣленіе и твердо помни вѣрное изрѣченіе, что кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ и если намъ суждено прожить завтра, то сегодня насъ съ тобой ни пуля, ни ядра, ни осколки бомбъ ничего не возмутъ, а если суждено умереть сегодня, то тебя никакія прикрытія не спасутъ. Хоть ты подь своды подвального этажа забейся, и туда какъ разъ семипудовка залетитъ. Но нашъ разговоръ былъ прерванъ отдаленнымъ пушечнымъ выстрѣломъ, за которымъ послѣдовалъ и другой. Мы обернулись въ сторону выстрѣла: оказалось, что это произвела возвращавшаяся батарея.

Ружья вольно! раздалась команда ротнаго командира. Справа по отдѣленіямъ, вольнымъ шагомъ маршъ!

Ну вотъ. видишь ты, говорилъ я Переверзенкѣ, мы съ тобой, слава Богу, и цѣлы; а вѣдь признайся, что для нашихъ ружей лучше такого сраженія и выдумать нельзя. А еще говорятъ, что главнокомандующій морякъ и что онъ бельмеса не понимаетъ, какъ командовать сухопутной арміей. А вотъ и доказательство на лицо. Устрашилъ

неприятеля двумя пушечными выстрѣлами. Ась! Какъ ты объ этомъ мекаешь?

Утромъ четвертаго Октября, при ясномъ солнечномъ небѣ, я отправился въ трактиръ, недалеко отъ Корабельной площади, носившій названіе „Ростовъ на Дону“, который содержалъ Грекъ Макропей. Напившись чаю, я возвращался въ нашу импровизированную палатку и на Корабельной площади, взглянувъ въ сторону Малахова кургана, сначала увидѣлъ дымъ, и вслѣдъ за тѣмъ грохнулъ залпъ нѣсколькихъ орудій. Задымились и другіе бастионы, также какъ и редуты и батареи, и загрохотали ихъ орудія по всей оборонительной линіи. Меня такъ и подбросило. Надо сходить посмотрѣть, подумалъ я, и чуть не бѣгомъ пустился на курганъ. Штурма быть не могло, такъ какъ я видѣлъ многихъ солдатъ шедшихъ по площади, да и тревоги не было, а между тѣмъ уже очень мнѣ хотѣлось видѣть стрѣльбу изъ крѣпостныхъ орудій, неуклюжесть которыхъ меня немало удивляла. Громадное по своему размѣру и вѣсу орудіе лежало на деревянномъ съ уступами лафетѣ, держась на четырехъ маленькихъ колесикахъ, отъ семи до восьми вершковъ въ діаметрѣ.

Придя на курганъ, я остановился сзади орудій и съ большимъ вниманіемъ сталъ наблюдать за дѣйствіями морскихъ артиллеристовъ, какъ они банили (прочищали) каналъ орудія своими долговязыми банниками, время отъ времени полоская ихъ въ водѣ, какъ заряжая иногда приговаривали: — „Нуть-ка, сударушка, разуважь“, какъ накатывали орудіе къ амбразурѣ и какъ потомъ, когда подходилъ канониръ (командоръ) и командовалъ: Вправо, влѣво, выше, ниже и наконецъ, когда орудіе было направлено куда слѣдовало, и кончена вся процедура его заряженія и наводки, стоило только дернуть шнуръ, и раздавался оглушительный грохотъ бомбическаго орудія. Я такъ заинтересовался этой стрѣльбой, что мнѣ ужасно захотѣлось сначала посмотрѣть наводку орудія, а потомъ, если можно, самому навести. Довольно насмотрѣвшись и не видя никого изъ офицеровъ, такъ какъ стрѣляли только съ нашей стороны, я отправился къ брустверу и сталъ на банкетъ, съ котораго чрезъ брустверь наблюдалъ во чтѣ стрѣляютъ. Оказалось, что мы еще не знали, что противъ нашихъ укрѣпленій въ три дня воздвиглись разные батареи и редуты, которые и разбивались съ нашихъ батарей и бастионовъ.

Простоявъ на банкетѣ съ полчаса, я обратился къ одному канониру съ просьбой позволить мнѣ посмотрѣть, куда наводится орудіе номеръ четвертый. Очень симпатичный канониръ, улыбнувшись, сказалъ: — Хорошо, съ удовольствіемъ; вотъ сейчасъ наведу, вы и посмот-

рите, благо Истоминоу у Нахимова. И, наведя орудіе, онъ позвалъ меня. Вотъ смотрите чрезъ этотъ прицѣль, сказалъ онъ. Я посмотрѣль и поблагодарилъ его. Зная, что сейчасъ грянетъ выстрѣль, я быстро вскочилъ на банкетъ и приготовился наблюдать за полетомъ девяностошести-фунтовой гранаты. Грохнулъ выстрѣль, и къ моему удивленію я увидѣль взрывъ именно той амбразуры, куда она предназначалась, о чемъ я сейчасъ же съ восторгомъ сообщилъ канониру. Пробывъ еще полчаса и разговорившись съ канониромъ о томъ, гдѣ нашъ полкъ, когда пришли и гдѣ стоимъ, я, не теряя времени, попросилъ позволенія самому навести орудіе на ту же амбразуру. — Если скверно наведу, вы поправите, убѣждалъ я его, а мнѣ очень хочется попробовать, съумѣю ли я это сдѣлать. Хорошо, сказалъ онъ, и какъ только орудіе подкатили къ амбразурѣ, я сталъ наводить его такъ же, какъ это дѣлалъ канониръ и когда по моему мнѣнію было вѣрно, посмотрите, сказалъ я ему, вѣрно ли? Матросы смѣялись. Прекрасно, сказалъ канониръ, пойдемте смотрѣть, какъ ахнетъ. Валяй, ребята, обратился онъ къ матросамъ, и мы пошли наблюдать. Грянулъ выстрѣль, и чрезъ нѣсколько секундъ граната лопнула предъ амбразурой.

Вполнѣ можетъ замѣнить любаго канонира, сказалъ онъ, прощаясь со мной. Навѣщайте, крикнулъ онъ мнѣ въ догонку. — Ладно, отвѣтилъ я, постараюсь.

Оказалось, что я на курганѣ по меньшей мѣрѣ пробылъ два съ половиною часа, которые для меня прошли какъ часъ.

А мы ужъ пообѣдали, сказалъ мнѣ товарищъ, когда я возвратился домой. И куда тебя носила нелегкая?

— Былъ на Малаховомъ, отвѣчалъ я и рассказалъ, какъ учился наводить орудія.

— Нашъ пострѣль вездѣ поспѣль, сказалъ Переверзенко. Я тоже ходилъ на второй бастіонъ, а мнѣ такая дичь и въ голову не пришла, чтобы браться за наводку орудія. Или ты думаешь въ канониры попасть?

— Во первыхъ, въ твою хохлатскую голову никакая мысль не можетъ помѣститься, такъ какъ она въ плотную набита галушками; а во вторыхъ, что бы ты ни зналъ, все лучше чѣмъ не знать того, что можно знать, отвѣчалъ я ему. На что хохоль конечно нисколько не обидился, такъ какъ среди юнкеровъ нашего времени насмѣшки и болѣе грубыя сходили съ рукъ, а между товарищами это принималось въ шутку.

Часовъ въ пять мнѣ захотѣлось ѣсть, и я отправился въ трактиръ, гдѣ послѣ обѣда сѣигралъ на билліардѣ съ однимъ моимъ товарищемъ Верберомъ, котораго я нашелъ тамъ. Онъ былъ много старше меня и всегда ужасно сердился, почти постоянно проигрывая мнѣ, но увѣрялъ всѣхъ, что онъ гораздо лучше меня играетъ.—Да, да, подтрунивали надъ нимъ товарищи, мы сами видимъ, что ты лучше играешь, а постоянно проигрываешь, потому что тебѣ не везетъ. Игра на билліардѣ тоже вѣдь требуетъ счастья, какъ игра въ карты.

— Да, согласился Верберъ, Костыкъ иногда дьявольски везетъ, въ особенности въ карты.

Просидѣли въ трактирѣ часовъ до восьми и отправились во свояси, уговорившись на другой день сойтись часа въ два, чтобы снова покатать шарами. Но увы, на другой день не пришлось шарами покатать, музыка вышла иная, а пришлось смотрѣть, какъ катались, прыгали и рвались чугунные шары по Корабельной площади.

Пятаго Октября, въ ясный солнечный день, почти безоблачный, едва лишь лучи восходящаго солнца освѣтили наши бастионы, не успѣвъ еще освѣтить верхушки мачтъ въ бухтѣ стоявшихъ кораблей и пароходовъ, какъ со всѣхъ бастионовъ, редутовъ и батарей загрохотали орудія и затрещалъ тревогу барабанъ. Мы вскочили не говоря другъ другу ни слова, живо стали одѣваться и не успѣли еще совсемъ одѣться, какъ въ верхъ нашей палатки влетѣло ядро, срѣзавъ только дерево, стоявшее на пути его слѣдованія. Одѣвшись и выскочивъ изъ палатки, мы увидѣли всѣхъ людей, бѣжавшихъ на площадь и ротныхъ командировъ и фельдфебелей кричавшихъ: Бѣги на площадь, стройся въ колонну къ атакѣ. Живо мы послѣдовали по указанію, и чрезъ двѣ минуты колонна стояла въ полномъ порядкѣ. Между тѣмъ непріятельскія ядра и гранаты, дѣлавшія рикошетъ на курганѣ, пролетали надъ нашими головами, а пролетѣвшія надъ курганомъ падали около насъ и рикошетировали по направленію къ бухтѣ. Но вотъ раздается команда: Батальоны, ружья вольно, дирекція на средину, вольнымъ шагомъ маршъ! И когда передній фронтъ выровнялся почти въ линію зданій Брестскаго полка, не доходя трехъ-четырехъ шаговъ: на лѣво! раздалась снова команда, и такимъ образомъ нашъ батальонъ подвели къ зданію, занятому нашей полковой канцеляріей, противъ самыхъ ея оконъ. Стой во фронтъ, ружья къ ногъ, убавить интервалы между взводами шага на два на три и ружья въ козлы! обратился батальонный командиръ къ ротнымъ командирамъ. Да скажите людямъ, чтобы находились ближе къ стѣнамъ. Убавивъ интервалы и поставивъ ружья въ козлы, люди разошлись и размѣстились преимущественно

около стѣны, а тѣмъ, кому не хватало мѣста, приходилось помѣщаться во вторую и даже въ третью линію, упираясь головой въ ноги товарищей.

Ну, что же, Костька, декламируй: „Сквозь дымъ летучій летѣли ядра къ намъ какъ тучи“, говорилъ Переверзенко, садясь рядомъ со мной на землю возлѣ самой стѣны, посматривая въ верхъ на дымовыя облачка, являвшіяся отъ лопнувшихъ бомбъ, посылавшихъ въ разныя стороны смерть своими журчащими осколками всевозможныхъ размѣровъ со всевозможными напѣвами.

—Ну, я теперь не расположенъ къ декламации, отвѣчалъ я, и весь превратился въ зрѣніе. Смотри, смотри, указывалъ я ему на площадь, какъ прыгаютъ и катятся ядра. Эти, что катятся, должно быть больно уже поутомились. Да, говорилъ Переверзенко, катится, кажется, тихо, перегнуть даже можно, а подставь ногу, такъ и отрѣжетъ.—Обязательно, отвѣчалъ я. Въ это время, дѣлая предсмертные короткіе рикошеты, ровно покотился круглый шаръ, за которымъ съ озлобленным лаемъ гналась одна изъ бѣгавшихъ на площади собакъ. Смотри, обратился ко мнѣ Переверзенко, даромъ что собака, а тоже злится на непрошенныхъ гостей. Собака все бѣжала рядомъ съ шаромъ и все лаяла. Но вотъ раздался взрывъ, и отъ собаки, хотя и крупной, осталось только одно воспоминаніе. Этотъ шаръ былъ большая граната. Здорово, сказалъ я, гдѣ-же собака-то?—А кто е знаетъ, сказалъ Переверзенко хохлатскимъ нарѣчіемъ. Кажетъ, о це тутъ була.

— Пойдемъ въ канцелярію, сказалъ я: мнѣ надоѣло тутъ сидѣть да слушать подлое журчаніе осколковъ; тамъ можно будетъ растянуться на какомъ нибудь тюфякѣ. Нѣтъ, отвѣчалъ Переверзенко, я не пойду: наткнешься еще на полкового адъютанта; ну, его къ черту, не пойду.

— Какъ хочешь, сказалъ я, а я отправлюсь. Придя въ полковую канцелярію, я сей часъ же забрался на самый верхъ сложенныхъ тамъ госпитальныхъ тюфяковъ и, разровнявъ ихъ поудобнѣе, улегся на одномъ изъ нихъ во весь ростъ.

Лежа на своей импровизированной постели, и когда нервы поуспокоились, во мнѣ воскресли воспоминанія самаго отдаленнаго дѣтства и юношества. Вспомнилось, какъ носилъ меня на плечѣ дѣдушка, котораго я звалъ „Куку“ и какъ онъ, нося меня, припѣвалъ „Костька, ты Костька, Костька разбойникъ“. Потомъ какъ однажды, когда было мнѣ года три или четыре, мы ходили по утру въ осенній теплый день осматривать сторѣвшія ночью крестьянскія избы на казенной сторонѣ; село было частью казенное, частью наше, и какъ ходили въ

гости къ сельскому священнику. Дальше вспомнилось мнѣ, какъ мы жили въ городѣ, и какъ отецъ училъ меня гасить свѣчку пистолемъ изъ дульнаго пистолета, когда мнѣ было только двѣнадцать лѣтъ. Однажды, когда послѣ трехъ моихъ выстрѣловъ свѣчка не гасла, отецъ разсердился и взялъ у меня пистолеть со словами:—Эхъ срамникъ! Маша, обратился онъ ко второй сестрѣ, научи его, какъ стрѣлять. Но у меня мелькнула мысль, почему я промахнулся, не дѣлавъ никогда даже двухъ промаховъ. Ужъ не заряженъ ли пистолеть? подумалъ я и, выхвативъ его изъ рукъ сестры, надѣвшей уже пистонъ, повернулъ дуло къ свѣту и сталъ разсматривать, нѣтъ ли въ немъ пули. Предположеніе мое оправдалось: въ стволѣ блестѣла новая пуля. Папа, пистолеть заряженъ, сказалъ я съ испугомъ, обращаясь ко отцу.—Врешь, стрѣлять не умѣешь. Гаси, Маша, сказалъ онъ, передавая ей пистолеть. Та взяла, прицѣлилась и спустила курокъ. Грянулъ выстрѣлъ. Верхняя часть свѣчки была срѣзана, и пуля, ударившись въ уголь печки подъ прямымъ угломъ, сплюснутая въ лепешку, пролетѣла мимо отца и упала на полъ. Испугъ былъ ужасный. На выстрѣлъ прибѣжала блѣдная какъ полотно мать, сидѣвшая въ гостиной.—Что такое. Что случилось? спросила она испуганно, обращаясь къ отцу, поднимавшему съ пола пулю.—Ничего, отвѣчалъ отецъ, нахмутивъ брови: забылъ, что пистолеть былъ давно заряженъ. И, чувствуя себя виновнымъ, онъ ушелъ въ кабинетъ. Мама пожала плечами и стала спрашивать меня. Я объяснилъ и внутренно радовался, что этотъ выстрѣлъ доказалъ, что я былъ правъ.—Подумайте, мама, говорилъ я внушительно, я стрѣлялъ три раза, и ни разу пламя даже не дрогнуло. Развѣ это возможно? задавалъ я ей важный, по моему мнѣнію, вопросъ. Обоихъ бы васъ съ отцомъ высѣчь хорошенько, успокоившись сказала мама, и отправилась къ отцу въ кабинетъ.

Очевидно мама уговаривала отца прекратить обученіе меня стрѣльбѣ, что видно было изъ того, что въ продолженіи цѣлаго мѣсяца я не практиковался въ такой полезной по моему мнѣнію наукѣ. И вотъ однажды, отправившись въ кабинетъ отца, въ его отсутствіе, я стащилъ у него горсти двѣ пороху и старинный кавалерійскій кремневый пистолеть, рѣшивъ продолжать обученіе безъ помощи отца. И какъ ни трудно было мнѣ держать уродливый тяжелый пистолеть, служившій вѣрой и правдой отцу въ двѣнадцатомъ году, я все-таки стрѣлялъ изъ него въ саду холостыми зарядами, конечно въ отсутствіи отца. Но разъ случилось, что онъ возвратился очень скоро послѣ отъѣзда и, услыжавъ выстрѣлы въ саду, зашелъ полюбопытствовать. Костька, крикнулъ онъ мнѣ, что это ты выдумалъ, разбойникъ? Иди сюда! Я

струсиль, подошелъ къ отцу. Онъ взялъ у меня пистолеть. Изъ этой дряни стрѣлять нельзя. Погоди, я выучу тебя стрѣлять изъ того пистолета. Пойдемъ! Я отправился съ нимъ, очень довольный, что отецъ не только не разсердился на меня, но самъ хочетъ опять быть моимъ учителемъ. Придя въ кабинетъ и переодѣвшись, онъ досталъ дульный пистолеть и сталъ показывать мнѣ подробно, какъ заряжать. Зарядивъ его, онъ взялъ листъ бумаги и посрединѣ, вершка въ полтора, намазалъ чернилами кружокъ. Затѣмъ онъ повелъ меня къ каретному сараю и тамъ къ стѣнѣ прибилъ мишень.—Ну теперь смотри, какъ я буду стрѣлять, и, отмѣривъ тридцать шаговъ, сталъ цѣлить. Раздался выстрѣлъ, пуля попала вершка на три выше сердца.—Теперь заряжай самъ. Я зарядилъ совершенно также какъ онъ. Стрѣлай! Я навелъ и выстрѣлилъ. Пистолеть выпалъ изъ моей руки, и я схватился за голову. Чтò съ тобой, покажи, испуганно спрашивалъ меня отецъ, отнимая мою руку, которой я закрывалъ лобъ, чувствуя ужасную боль правой брови.—Эхъ ты, михрютка, пистолета не удержалъ, шутилъ отецъ, увидавъ, что глазъ цѣлъ и только изъ брови сочилась кровь отъ отдачи пистолета, который угодилъ въ бровь куркомъ. Ничего, до свадьбы заживетъ, ступай спроси кусокъ льду и поддержи у брови: сейчасъ пройдетъ. Прибѣжавъ на кухню, я исполнилъ приказаніе и черезъ четверть часа явился къ отцу въ кабинетъ, говоря, что я совсѣмъ здоровъ.—Ну ладно, отвѣчалъ отецъ, только тебѣ нельзя такъ стрѣлять вытянувши руку. Я былъ совершенно доволенъ этимъ замѣчаніемъ.—Стало быть, мы съ папой будемъ пострѣливать, думалъ я, убѣгая посмотреть, попалъ ли я въ мишень. Оказалось, что попалъ въ верхній лѣвый уголъ. Ну, думалъ я, на первый разъ и это хорошо.

Мысли мои перелетали съ одного предмета на другой съ быстротою молніи. Вспомнилось, какъ мы были у одного помѣщика на именинахъ.

Послѣ обѣда устроена была стрѣльба изъ пистолета, для чего отецъ привезъ свой. Компанія состояла изъ семи человѣкъ; двинулись къ какому-то амбару, на двери котораго повѣшена была полуаршинная бѣлая крашеная доска съ чернымъ кружкомъ по срединѣ, величиною вершка въ два. Отецъ отмѣрилъ тридцать шаговъ, и стрѣльба началась. Но увы, послѣ каждаго выстрѣла раздавалось одно и то же: „промахъ“. Наконецъ папа взялъ пистолеть, зарядилъ, надѣлъ пистонъ и передалъ мнѣ его говоря:—Ну, Костя, валяй вмѣсто меня. Я взялъ пистолеть, повернулся бокомъ и, вытянувъ руку, сталъ наводить его. Не прошло четверти минуты, раздался выстрѣлъ. „Промахъ“, воскликнули всѣ, не видя пятна на бѣломъ фонѣ мишени.—Прямо въ сердце

угодилъ, сказалъ отецъ, увѣренный въ моей стрѣльбѣ, идя къ мишени со всей компаніей. Пуля попала на полвершка лѣвѣе самаго центра. Всѣ ахнули и стали просить отца, чтобы онъ позволилъ мнѣ сдѣлать другой выстрѣлъ, послѣ котораго пятна на бѣломъ фонѣ тоже не послѣдовало. Неужели опять въ сердце? проговорили нѣсколько голосовъ. Пуля сидѣла тоже не болѣе полувершка отъ центра, только нѣсколько выше. Это удивительно, это непостижимо! Онъ просто волшебный стрѣлокъ! говорили всѣ, восхищаясь мѣткими выстрѣлами и цѣлуя меня.—Вспомнилось тоже, какъ мы съ двоюроднымъ братомъ (разсказавшимъ разговоръ начальника дивизіи съ главнокомандующимъ) посѣщали почти каждый праздникъ лучшій въ городѣ трактиръ и практиковались въ игрѣ на билліардѣ до тѣхъ поръ, пока у насъ хватало денегъ, чтобы заплатить за билліардъ. Потомъ, знакомство съ разбойниками, пойманными моимъ отцомъ въ смежной губерніи, когда онъ служилъ исправникомъ по выбору дворянъ и какъ по настоянію губернатора онъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе нарушенія закона, которымъ якобы воспрещалось чинамъ полиціи переѣзжать границу своей губерніи, не имѣя на то предписанія. Видъ этихъ закованныхъ въ кандалы разбойниковъ и разговоры ихъ въ кухнѣ, куда вышли посмотреть на нихъ моя мать и я, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Это были два родные брата, великаны, бѣглые гвардейцы, болѣе десяти лѣтъ грабившіе и сжигавшіе сѣла и убивавшія на большихъ дорогахъ проезжающихъ. Когда мы вошли въ кухню, разбойники встали. Мама посмотрѣла на нихъ съ сожалѣніемъ и спросила.—Бли-ли вы сегодня? (это было въ семь часовъ вечера, а отецъ привезъ ихъ часа въ три). Съ ранняго утра ничего еще во рту не было, отвѣчали они.—Накорми ихъ, приказала мама кухаркѣ.—Эхъ, добрая барыня, прикажи дать винца, хоть по рюмочкѣ. Мама велѣла дать по стакану и когда они выпили за ея здоровье, одинъ изъ нихъ сказалъ: Ну, добрая барыня, должно быть ты Богу здорово молишься, если тебѣ пришлось свидѣться съ мужемъ послѣ того, какъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ гости. Да, добавилъ второй, гордись, барыня, своимъ мужемъ: мы такихъ молодцовъ и не видывали, да и силищей же его Богъ наградилъ.

Вспомнилась мнѣ и смерть отца и свадьба второй сестры, отъ мужа которой я выучился отлично играть въ карты; и какъ, бывало, онъ съ своимъ пріятелемъ обыграютъ меня въ штось и подсмѣиваются, выигравъ у меня рубля два. Такъ бывало не одинъ разъ. Но вотъ какъ-то съѣхавшись съ зятемъ, онъ и спрашиваетъ меня: Ну что-жъ заложить? Семьдесятъ пять копѣекъ, говорю, есть; хотите, заложу. Они согласились, и началась игра. Мнѣ повезло, и изъ шести-семи картъ,

я давалъ только одну, много двѣ. Они стали горячиться, а я ихъ еще больше сталъ бить, и чрезъ часъ игры, когда стали ставить на карту не менѣе пяти рублей, я сказалъ имъ: атанде, господа, сначала посчитать, сколько набралось въ банкъ, и, насчитавъ сто четырнадцать рублей, я благоразумно объявилъ: Баста! Болѣе не играю, а то вѣдь вы сразу сорвете и будете опять смѣяться. Такъ ужъ посмѣйтесь лучше теперь. Злости ихъ, кажется, не было предѣла.

Вспомнилось также и переселеніе наше изъ земли Халдейской въ землю Ханаанскую послѣ смерти отца, умершаго отъ холеры въ сорокъ восьмомъ году. Это состоялось въ Январѣ пятьдесятъ перваго года, послѣ усиленныхъ приглашеній одной изъ родныхъ сестеръ моей матери. Намъ пришлось ѣхать въ Псковскую губернію чрезъ Москву, Ржевъ и Зубцевъ на долгихъ. Огромный возокъ и тройка замѣчательно сильныхъ лошадей тронулись и, проѣхавъ версть сорокъ, мы остановились ночевать на одномъ изъ постоянныхъ дворовъ, содержащихся въ тѣ времена превосходно. На четвертый день ѣзды, спускаясь съ крутой горы, предъ самымъ селеніемъ, нашъ возокъ опрокинулся на бокъ. Матушка, держа двухлѣтняго брата на рукахъ, боясь задавить его, уперлась рукой въ стѣнку возка, который упалъ на ея сторону, и мы упали на нее. Насъ быстро подняли возчики встрѣтившагося обоза, и черезъ десять минутъ мы были у подѣзда пріятельницы матушки, жившей при фабриктѣ, находившейся на пути нашего слѣдованія. Когда намъ отперли, горничная заявила, что баринъ и барыня въ гостяхъ у доктора, но приказали сейчасъ же придти за ними, коль скоро мы пріѣдемъ. Не надо, сказала не раздвѣаясь матушка, проводи меня туда; я хочу познакомиться съ докторомъ, а барыню вызывать неловко. А вы раздвѣайтесь и располагайтесь, кинула она намъ уходя.—Что это съ мамашей? сказала старшая сестра: прямо съ дороги и въ дорожномъ платьѣ. Часа черезъ три, по возвращеніи матушки отъ доктора, мы узнали, что, при паденіи возка, матушка сломала лѣвую руку, которую ей и завязали въ лубки. Этимъ и разъяснился визитъ ея къ доктору. Прогостивъ здѣсь два дня, мы отправились дальше безъ матушки, оставшейся у своей пріятельницы на шесть недѣль.

Остальное путешествіе въ землю обѣтованную вплоть до водворенія нашего въ уготованное для насъ помѣщеніе въ усадьбѣ богатаго помѣщика прошло безъ всякихъ приключеній. Помню только, что когда мы пріѣхали въ Ржевъ, было Воскресенье, и остановились на постояломъ дворѣ, гдѣ напившись чаю и пообедавъ, я вышелъ прогуляться

по городу и, возвращаясь домой, увидалъ на площади кучку людей, стоявшихъ кругомъ и бросавшихъ въ верхъ какую-то дощечку.

Что за оказія подумалъ я, что это они дѣлають? Я видѣлъ, что послѣ каждаго взбрасыванія дощечки всѣ наклонялись, и дощечка летѣла снова вверхъ.

Это надо посмотрѣть и узнать, рѣшилъ я, и отправился къ кружку. Оказалось, они играютъ въ орлянку, только вмѣсто монеты бросаютъ Ржевскій большой пряникъ, въ родѣ Вяземскаго. Росписная сторона была вмѣсто „орла“ а нижняя гладкая „рѣшетка“—Вотъ такъ ловко! не выдержалъ я.

Да, отозвался впереди меня челоувѣкъ и, расширяя кругъ, предложилъ мнѣ.—Не желаете-ли?

— Да я никогда не кидалъ пряникомъ, отвѣчалъ.

Это пустяки, попробуйте. И самъ подаль мнѣ пряникъ.

Я посмотрѣлъ на пряникъ, соразмѣрилъ его тяжесть и бросилъ. Упалъ орель.

Вотъ видите, какъ просто; если бы вы бросали на деньги, такъ выиграли бы.

Въ это время раздалось: кто стелеть? (ставить).

— Не хотите ли поставить? спросилъ меня тотъ, кому приходилось бросать пряникъ.

— Пожалуй, сказалъ я, вынимая деньги, которыя у меня всегда были, и поставилъ полтинникъ.

Согласенъ, сказалъ бросавшій, бросая тоже полтинникъ, и бросилъ пряникъ, упавшій гладкой стороной къ верху.

Всѣ взяли свои ставки. Другому я поставилъ рубль и тоже взялъ, третьему полтора, взялъ и эту ставку. Пришла моя очередь бросать. Наставили больше пяти рублей. Я бросилъ, уложилъ писаннымъ къ верху и взялъ деньги. Такимъ образомъ я бралъ до пяти разъ безъ промаха. Послѣ пятого раза, положивъ деньги въ карманъ, я отказался играть и ушелъ.

Ей же ей, молодчина! смѣясь сказалъ кто-то изъ играющихъ: всѣхъ обдѣлалъ, пять разъ подрядъ уложилъ Ржевскаго орла, даромъ что мальчуганъ.

Возвратившись домой, я забрался въ другую комнату и сталъ считать выигрышъ. Было что-то около пятидесяти рублей. Пришелъ ямщикъ и сообщилъ, что мы будемъ ночевать, и я ради любопытства отправился въ трактиръ, находившійся надъ нашимъ помѣщеніемъ, гдѣ увидалъ Китайскій биллиардъ.

Что-же у васъ играютъ на этомъ биллярдѣ? спросилъ я хозяина трактира. Не угодно ли сыграть партійку? предложилъ онъ мнѣ.— Хоть двѣ, отвѣчалъ я и взялъ кій.

— На что же мы сыиграемъ? спросилъ онъ.

— На что хотите, отвѣчалъ я.

На рубликъ; для васъ немного будетъ?

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ я, и кончилъ тѣмъ, что хозяинъ, проигравъ мнѣ пятнадцать рублей, заявилъ: Нѣтъ, господинъ, мнѣ съ вами не сыиграть; вы ужь очень хорошо играете. Придя домой, я засталъ сестеръ, собиравшихся пить чай.

—Гдѣ ты пропадаешь, Костя? спрашивала меня старшая сестра.

—А я былъ на верху, игралъ съ хозяиномъ на биллярдѣ, отвѣчалъ я.

—Да ты съ ума сошелъ играть въ трактирахъ, горячася говорила сестра. Господи, чтò изъ тебя будетъ. Что-же, ты на деньги игралъ? Конечно.—Откуда же ты ихъ взялъ?—Мнѣ мамаша дала, я у ней выпросилъ, вѣдь ты и гривенника не дашь, а она мнѣ три рубля дала. Ну да вѣдь она извѣстная твоя баловница, закончила она и начала разговоръ по французски съ младшей сестрой, вѣроятно на мой счетъ. Когда онѣ кончили, я разказалъ имъ свою игру въ Ржевскую орлянку и ея результатъ, удостовѣряя справедливость моихъ словъ кредитными бумажками и множествомъ серебра, которое я вынималъ изъ кармановъ. Вотъ возьми, говорилъ я старшей сестрѣ, я оставлю только пять рублей. Начался опять Французскій разговоръ, подъ который напившись чаю я и заснулъ.

Пріѣздъ нашъ къ теткѣ и житье наше было, такъ сказать, обыкновенное, какъ живутъ любящіе другъ друга родные. Я одинъ сокрушалъ сердце теткѣ. И чтò изъ тебя будетъ? говорила она. Посмотри на свои руки, вѣрно въ кузницѣ былъ или въ слесарной, ступай вымойся.— Я два раза мылъ горячей водой, да не отмываются, отвѣчалъ я. Тетка качала головой и молчала. У меня была страсть къ ручнымъ работамъ.

Въ теченіи двухъ лѣтъ, прожитыхъ у тетки, я выучился столлярному и слесарнымъ ремесламъ, и мнѣ было очень пріятно, если кто либо изъ громадной дворни просилъ меня сдѣлать мѣдную оправу на трубку, или тетка заказывала мнѣ какую либо изящную деревянную вещь.

Со смѣхомъ также вспомнилъ я одинъ эпизодъ изъ жизни у нея въ послѣднее лѣто. Однажды тетки и дяди не было дома, и я собрался на охоту. У меня было ружье, которое я пряталъ отъ всѣхъ. На этотъ разъ я взялъ его безъ предосторожности и пошелъ изъ своего

олигеля, не замѣтивъ, что на террасѣ собралось все многочисленное семейство подъ непосредственнымъ присмотромъ двухъ старшихъ сестеръ дяди. Увидя у меня ружье, онѣ пришли въ ужась. Послѣдовалъ крикъ и энергичное приказаніе нянькѣ (настоящему гренадеру) отнять у меня ружье. Та бросилась за мной со всѣхъ ногъ, я отъ нея; но, видя, что она неминуемо догонитъ меня, я сразу остановился, повернулся къ ней и шагахъ въ тридцати грянулъ въ нее изъ ружья, зная, что оно заряжено холостымъ зарядомъ. Эффектъ получился замѣчательный. Нянька стала какъ вкопанная, на террасѣ всѣ окаменѣли. Я отправился, уже никѣмъ не преслѣдуемый, и вернулся къ вечеру съ шестью утками, убитыми съ лодки на озерѣ.

Подъ конецъ я вспомнилъ свой отъѣздъ въ Москву и поступленіе въ полкъ, который теперь здѣсь въ Севастополѣ, а батальонъ, въ которомъ я нахожусь, лежитъ и сидитъ за этой самой стѣной, рядомъ съ которой я лежу во ожиданіи могущей быть смерти.

Когда наконецъ глаза устали смотрѣть на работавшихъ писарей, они невольно стали смыкаться, и я заснулъ подъ грохотъ несмолкаемыхъ орудій.

Я спалъ нѣсколько часовъ, какъ убитый и проснулся отъ удара ядра въ стѣну и отъ падавшихъ на полъ кирпичей. Открывъ глаза, я увидѣлъ сначала только бѣлую пыль, въ которой суетятся писаря. Когда же пыль улеглась, оказалась одна пробоина подъ потолкомъ стѣны, идущей вдоль корридора, съ выпавшими изъ нея и всюду разбросанными по полу кирпичами, а другая напротивъ первой на аршинъ ниже. Въ канцеляріи и батальонѣ никого не задѣло, только писаря ругались, перетряхивая свои бумажки и сметая пыль, покрывшую собою всѣ столы, одежду и сразу побѣлѣвшіе волосы писарей.

Спустившись со своего логовища и обозрѣвъ все, я отправился въ батальонъ и засталъ Переверзенко сидящимъ все въ томъ же положеніи, какъ я его оставилъ.—Что, спросилъ онъ меня, когда я подошелъ къ нему, неужели ты все спалъ?

— Спалъ какъ убитый, отвѣчалъ я. А ты, неужели все сидѣлъ на этомъ мѣстѣ? задалъ я ему вопросъ.

— Вообрази, отвѣчалъ онъ, ни разу не вставалъ, сижу и курю, курю и сижу и посматриваю, какъ прыгаютъ ядра и лопаются бомбы.

А который часъ? спросилъ я. Онъ посмотрѣлъ на свои часы и сказалъ: половина четвертаго.—Здорово же я проспалъ, сказалъ я, а когда вы обѣдали?

— Да ты никакъ съ ума сбрендилъ, отвѣчалъ онъ.—Посмотри, увидишь ли ты гдѣ кого нибудь? Я вотъ сижу почти девять часовъ

на одномъ мѣстѣ, а на площади кромѣ безпрестанно прыгающихъ ядеръ ничего не видалъ.

— Такъ, сказалъ я. Да не постоянно же они проклятые, будутъ стрѣлять, уймутся же когда нибудь.

— Вѣроятно ночь прекратить бомбардировку, сказалъ Переверзенко, и тогда пойдутъ обѣдать, если кухни не разбиты ядрами. Видишь, подлая одна за другой такъ и лопаются, добавилъ онъ, указывая вверхъ на дымовыя облачка, безпрестанно появлявшіяся на безоблачномъ небѣ.

Да, сказалъ я, не мѣшало бы и подкрѣпиться, и сѣлъ рядомъ съ Переверзенко, говоря о благополучно пролетѣвшемъ черезъ канцелярію ядрѣ, нигдѣ никого не задѣвшемъ.

Къ вечеру бомбардировка стала утихать, наши орудія тоже стали смолкать, и только что закатилось солнце, настала тишина, и съ ея наступленіемъ все встрепенулось и двинулось кто куда. Люди отправились обѣдать на кухни, офицеры и многіе юнкера въ трактиры, куда пошли и мы съ Переверзенко.

Въ трактирѣ я былъ удивленъ, увидавъ тамъ одного арестанта, отъ котораго узналъ, что онъ, въ числѣ прочихъ, переносилъ адмирала Корнилова, павшаго у бомбическаго № 2 орудія. Арестантъ Орѣховъ, какъ и остальные оставшіеся въ живыхъ, получилъ Георгіевскій крестъ, почему къ концу выступленія изъ Севастополя, если кто получалъ такой крестъ, стали говорить „получилъ арестантскій крестъ“ или „представленъ къ арестантскому кресту“.

Какимъ это образомъ арестантъ появился на Малаховомъ курганѣ? спросилъ я одного моряка. Ихъ десять тысячъ освобождено, это будущіе наши замѣстители, а теперь они назначены для подтаскиванія на бастионы и батареи орудій, въ замѣнъ подбитыхъ, отвѣчалъ онъ.

Пообѣдавъ, мы отправились поиграть на билліардѣ, гдѣ былъ уже Верберъ и, попивая чай, мы проиграли до второго часа ночи, между тѣмъ какъ въ сосѣдней комнатѣ нѣсколько офицеровъ разныхъ полковъ играли въ штось. Наконецъ мы всѣ, отправившись въ свои мѣста, видѣли, какъ арестанты тащили три орудія на Малаховъ курганъ, впрягаясь человекъ чуть ли не по двѣсти въ каждое орудіе. На слѣдующій день бомбардировка была много слабѣе, но ядромъ одному нашему солдату оторвало правую руку, когда онъ лежалъ навзничъ съ откинутой рукой. Замѣчательно, что онъ пролежалъ нѣсколько секундъ, не просыпаясь; его тронули, и только тогда онъ увидалъ, что у него нѣтъ руки. Замѣтно было и движеніе солдатъ по площади и по балкѣ,

и въ этотъ день обѣдать ходили въ урочный часъ. А на третій день настолько острѣлялись и привыкли къ бомбардировкѣ, что уже никто на нее не обращалъ вниманія, по очень простой причинѣ: все равно убьютъ не сегодня, завтра. Изъ за чего же стѣснять себя въ чемънибудь? И никто ни въ чемъ себя не стѣснялъ.

14-го Октября нашъ батальонъ отправился въ цѣпь на смѣну второго батальона. По дорогѣ, саженьхъ въ ста отъ кургана, мнѣ попалась четвертинка ядра самой правильной формы, чисто какъ апельсинъ, разрѣзанный на четыре части. Я повертѣлъ его въ рукахъ и бросилъ, придя къ заключенію, что это должно быть память перваго дня бомбардировки и что она получилась отъ столкновенія двухъ другъ къ другу летѣвшихъ ядеръ. Полетъ (вѣрнѣе столкновеніе) долженъ былъ быть удивительно централенъ; въ противномъ случаѣ ядра, зацѣпивъ одно другое, только приняли бы другое направленіе.

Часу въ первомъ дня мы увидали, что шесть колонъ двигаются за Килень-балку, по направленію къ редуту, воздвигаемому Англичанами; потомъ видѣли дымъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ и возвращеніе колонъ обратно. На другой день мы узнали, что, подъ общей командой нашего командира полка, три батальона нашего полка и три батальона одного изъ полковъ нашей дивизіи, были посланы для разрушенія воздвигаемаго редута, что и было исполнено въ точности. При этомъ командиръ полка былъ раненъ, также было ранено и убито нѣсколько офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, нашъ товарищъ, недавно произведенный въ офицеры, бросился съ обнаженной шашкой при крикѣ: Ура, ребята за мной! и, далеко опередивъ солдатъ, вскочилъ на брустверъ редута. На глазахъ не подоспѣвшихъ солдатъ, онъ былъ поднятъ на штыки.

Миръ праху твоему, славный воинъ и превосходный юноша! Ему было всего двадцать лѣтъ.

Стоя въ цѣпи, мы дивились лѣсу мачтъ на непріятельскихъ коммерческихъ корабляхъ, стоявшихъ въ Балаклавской бухтѣ. Мачтъ этихъ было нѣсколько тысячъ. Чувствовалось, какъ будто непріятель говорить: „посмотрите-дескать, какими средствами мы обладаемъ, и съ какимъ великодушіемъ мы къ вамъ отнеслись, не уничтоживъ васъ поголовно при Альмѣ 8-го Сентября. И не думайте, что мы падки на чужую собственность, что доказывается нежеланіемъ отнять у васъ то, чего вы не можете защитить. Мы не для того пришли. Наша цѣль вамъ не понятна, какъ непонятна она и изъ насъ вѣроятно никому. А знаютъ ея тѣ, великую власть имѣющіе, которыхъ и мы не знаемъ. Но мы вполне увѣрены, что и вы съ своей стороны будете къ намъ

снисходительны, не уничтожите наши сотни миллионѣвъ, которыхъ стѣять суда наши въ бухтѣ и не пошлете двухъ или трехъ брандеровъ, чтобы ихъ уничтожить.

И дѣйствительно, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ никакъ не согласался на предложеніе многихъ желавшихъ отправиться почти на вѣрную смерть, мотивируя это тѣмъ, что и безъ того пороку не достаетъ. И это при началѣ бомбардировки! Ну да онъ свѣтлѣйшій и морякъ, не даромъ же ему была вручена сухопутная армія. Стало быть, онъ зналъ свое дѣло; въ противномъ случаѣ, какъ честный человекъ и вѣрный слуга своему Государю, онъ не взялся бы за него.

Смѣнившись съ цѣпи, мы стали на мѣсто четвертаго баталіона за церковь. И вотъ, расхаживая между ружей, поставленныхъ въ козлы и держа фертомъ руки, я подхожу къ правой паперти, на которой сидѣли и лежали солдаты. Одинъ изъ нихъ, сидя въ срединѣ и прислонясь спиной къ двери, читалъ какую-то небольшую книжку, а два солдата (одинъ справа, другой слѣва) лежали, положивъ головы на ноги читавшаго. Чтѣ это ты читаешь? спросилъ я, остановясь противъ него. Онъ взглянулъ на меня тихимъ взглядомъ и сказалъ: Евангеліе. Хорошее дѣло передъ смертью, сказалъ я и повернулъ, чтобы идти дальше. Но не успѣлъ я сдѣлать и одного шага, какъ чрезъ обѣ двери пролетѣло ядро и читавшій солдатикъ былъ разорванъ пополамъ. Ядро угодило ему прямо въ спину и снесло двѣ лежавшія на его ногахъ головы, а четыре козла ружей поскакало по площади къ бухтѣ. Достаточно было буквально одно мгновеніе задержаться на томъ мѣстѣ, гдѣ я стоялъ, чтобы лишиться обѣихъ ногъ, вѣроятно чтобы быть убитымъ (такъ какъ еще не было примѣра, чтобы съ двумя оторванными одновременно ногами люди оставались живыми). Раненые истекали кровью. Приподнявъ фуражку, я перекрестился и сказалъ неизбѣжно: „Царство вамъ небесное, братцы“, отправился въ зданіе лазарета, гдѣ нѣкоторые товарищи, въ одной изъ комнатъ, заваленной кроватями, устроили себѣ помѣщеніе.

—Ты что же не переходишь къ намъ? сказалъ Верберъ, когда я вошелъ въ ихъ маленькое помѣщеніе.

Да гдѣ у васъ тутъ помѣститься? И такъ тѣсно.

—Мы, братъ, тутъ по четыре кровати въ день сжигаемъ, живо распространимся, смѣясь говорилъ Верберъ и тесакомъ принялся рубить кровать, стащивъ ее сверху. И такъ тянулось изо дня въ день по 23-го Октября. Днемъ при батальонѣ, вечеромъ въ трактирѣ за биліардомъ, а иногда за картами.

Но вотъ вечеромъ 23-го Октября, человекъ пять насъ пошли въ ближній трактиръ и, поѣвши въ плотную, напившись чаю, отправились въ оборонительныя казармы, гдѣ въ это время стоялъ нашъ батальонъ. Но только что мы взошли на Корабельную площадь, какъ я вдругъ присѣлъ на корточки и крикнулъ: охъ, ребята умираю! Что съ тобой? сказали товарищи, нагнувшись надо мной.

Животъ, животъ! едва могъ выговорить я, между тѣмъ, какъ колѣнки мои подводило къ подбородку. Я лишился сознанія.

—Давай сдѣлаемъ изъ рукъ носилки, сказалъ Переверзенко и скрестилъ руки съ однимъ изъ товарищей. Меня посадили и, поддерживая, чтобы я не упалъ, понесли въ канцелярію и уложили тамъ на матрацъ. Я страдалъ ужасно часа четыре. Со мной было что-то въ родѣ холеры, и наконецъ я заснулъ. Но вотъ я чувствую, что меня за плечи качаютъ съ бока на бокъ; сознаю, что меня будятъ, но открыть глаза не могу, хочу сказать, языкъ не шевелится. Наконецъ меня оставили. Но чрезъ нѣсколько минутъ я вскакиваю: меня вспрыснули холодной водой въ лицо. Передо мной стоялъ на колѣняхъ старшій писарь.—Что ты? спросилъ я его.—Полкъ пошелъ въ сраженіе, отвѣчалъ онъ.

Я бросился какъ угорѣлый въ оборонительныя казармы за ружьемъ и сумкой и, пробѣжавъ такимъ образомъ побольше полуверсты, порядочно усталъ. Однакожъ, надѣвъ аммуницію, я всетаки имѣлъ еще силы бѣжать далѣе и, пробѣгая мимо раненаго уже батальоннаго командира перваго батальона, услышалъ такое замѣчаніе: „Дворянинъ, дворянинъ, патроны растеряешь“. У мертваго достану, отвѣчалъ я на бѣгу.

Спустившись внизъ, пройдя по мосту чрезъ Киленъ-балку и поднявшись въ гору, я увидѣлъ свиту главнокомандующаго съ Великимъ Княземъ и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на кучку всадниковъ (я не зналъ, что это свита главнокомандующаго) бѣжалъ въ сторону, откуда шли раненые.

Гдѣ нашъ батальонъ? спросилъ я, увидя раненаго унтеръ-офицера нашей роты.—На самомъ правомъ флангѣ, лежитъ въ интервалахъ артиллеріи, отвѣчалъ онъ упираясь на ружье, какъ на палку. Минуты чрезъ три я отыскалъ батальонъ и легъ на свое мѣсто. Отъ чрезмѣрнаго утомленія сердце у меня сильно билось.

Унтеръ-офицеръ, съ которымъ я легъ, разсказалъ мнѣ, какъ былъ убитъ одинъ изъ нашихъ очень хорошихъ товарищей.

Вотъ видите, говорилъ онъ, только значитъ пришли мы на ефто самое мѣсто, остановились, стоимъ, а юнкера стоятъ кружкомъ на

лѣвомъ флангѣ у нашего взвода да разговариваютъ промежь себя. А онъ стоялъ, знаете, лицомъ въ сторону непріятеля. И вотъ захотѣлось ему покурить. Вынимаетъ это портсигаръ, свернулъ папироску, и только онъ поднесъ ее къ губамъ, и въ это самое время, щелкъ, и онъ, какъ скошенный, опустился. Всѣ къ нему, я тоже, а онъ бѣдняга лежитъ съ открытыми глазами и какъ будто спрашиваетъ: Чтѣ вы? Смотримъ не пойдемъ, крови ни капли нѣтъ. Разстегнули шинель, тутъ и увидали кровавое пятнышко, аккуратно противъ сердца. Братъ его заплакалъ.—Пособите, братцы, сказалъ онъ, и шесть человѣкъ подняли бѣднягу и унесли. Очень ужъ жалко его, добавилъ унтеръ-офицеръ; хорошій былъ юнкеръ! Ну а потомъ, вскорѣ насъ и положили.

— Такъ, говорилъ я, какъ ни жаль, а не воротишь. Вотъ и мнѣ захотѣлось покурить, какъ бы и меня не ухлопали, и, доставъ табакъ и бумагу, я сдѣлалъ папироску и отправился въ передніе взводы, чтобы показаться на глаза батальонному командиру, сидѣвшему не вдалекѣ возлѣ куста съ ротными командирами. Онъ вѣдь не могъ видѣть; надо же ему показаться.

Возвратясь, я легъ на свое мѣсто, а унтеръ-офицеръ говоритъ мнѣ: Не ложитесь, Константинъ Ивановичъ, на это проклятое мѣсто. Посмотрите, вы подвиньтесь маленько (отстранялъ онъ меня). Видите эти двѣ борозды, это рикошетныя пули проѣхались, да вѣдь какъ: одна за другой, и двухъ минутъ не прошло. Вишь проклятыя-то!— Такъ ты думаешь, что все такъ и будутъ ложиться? Посмотримъ. И я пролежалъ на этомъ мѣстѣ болѣе двухъ часовъ совершенно благополучно. Лежа здѣсь, я увидѣлъ передъ собой одного солдата, который, растянувшись на животѣ, поддерживалъ свою голову обѣими руками. Въ то время, какъ я смотрѣлъ на него, что-то вдругъ щелкнуло, и онъ правой рукой быстро схватился за лобъ, придерживая козырекъ своей шапки. Чтѣ такое? подумалъ я, но тутъ же увидѣлъ, что солдатъ, сморщившись, снялъ шапку и разсматриваетъ что-то на козыркѣ, между тѣмъ какъ изъ брови выступала каплями кровь. Оказалось, что потерявшая силу рикошетная пуля ударила въ козырекъ, но ударъ былъ еще такъ силенъ, что частица брови прилипла къ козырку, который при этомъ даже треснулъ. Ну здоровый же лобъ, сказалъ я унтеръ-офицеру, когда полуголушенный солдатъ всталъ и вышелъ изъ строя.

Пули между тѣмъ летали надъ батальономъ, нерѣдко щелкая когонибудь на смерть; его выносили въ сторону, а раненый выходилъ самъ изъ строя, моля Бога благополучно выйдти изъ сферы огня.

Но вотъ часа черезъ три насъ подняли и перевели правѣе, шаговъ на полтора, и снова положили. Тутъ пули летали гораздо рѣже, и мы лежали до отступленія. Однако при этомъ одинъ изъ ундеръ-офицеровъ, шедшій рядомъ со мной, пораженъ былъ пулей въ лобъ надъ правой бровью. Вѣдныа упалъ навзничъ, а изъ раны била фонтаномъ кровь, выбрасывая кусочки бѣлаго мозга. Стало уже смеркаться, когда мы за снявшеюся артиллеріей стали отступать.

Увидя, что въ одной изъ комнатъ оборонительныхъ казармъ устроенъ перевязочный пунктъ, я не упустилъ случая полюбопытствовать, что тамъ происходитъ. Глазамъ моимъ представился Англійскій кирасиръ громаднаго роста, лежавшій на столѣ, раненый картечью въ плечо и щеку. Картечь, ударивъ въ щеку, оторвала языкъ ему. Операция была ужасная. Несчастный стоналъ, и мнѣ было такъ жаль его, что я ушелъ, подумавъ, что этотъ больше ѣздить не будетъ.

На третій день я отправился посмотрѣть на мертвыхъ, сложенныхъ на Сѣверной сторонѣ въ громадномъ сараѣ морского вѣдомства, близъ бухты. Уложенные въ четыре ряда голова съ головой съ широкими проходами между ногъ, они лежали въ одномъ бѣльѣ съ открытыми глазами. Тутъ были убитые на Инкерманѣ, только что въ бывшемъ сраженіи, и на бастіонахъ, редутахъ и батареяхъ во время бомбардировки. Боже мой, какіе лежали обезображенные трупы, пораженные артиллерійскимъ снарядомъ, осколками бомбъ и гранатъ! Думаю, что ихъ было болѣе тысячи, ожидавшихъ погребенія въ приготовляемыхъ для нихъ могилахъ на Братскомъ кладбищѣ.

Возвратясь въ казармы, я на слѣдующій день пригласилъ Переверзенко прогуляться со мной по Екатерининской улицѣ, чтобы побывать кстати на Графской пристани. Тамъ, говорилъ я, и пообѣдаемъ.

Мы отправились и, не смотря на довольно сильную въ тотъ день бомбардировку, совершили путешествіе туда и обратно благополучно, не обращая вниманія на прыгающія ядра и журжавшіе осколки бомбъ. Нервы настолько успѣли привыкнутьъ, что страха никто изъ насъ уже не ощущалъ.

Побывавши на Графской, мы вышли на площадь, гдѣ надъ однимъ подъѣздомъ красовалась вывѣска: „Гостинница Золотой Якорь“, куда мы отправились для подкрѣпленія силъ. За общимъ столомъ я разговорился съ однимъ флотскимъ юнкеромъ и другимъ какимъ-то ундеръ-офицеромъ какого-то вѣдомства. А что, господа, спросилъ насъ флотскій юнкеръ, вы въ карты играете?—Бываетъ, отвѣчалъ я.—Такъ не сыиграемъ ли? предложилъ онъ.—Отчего-же, можно, говорю я,

только въ двоимъ-то скучновато. Зачѣмъ въ двоимъ, я буду третій, проговорилъ ундеръ-офицеръ, по видимому изъ Иерусалимскихъ дворянъ, но очень чистыхъ и изящныхъ.

Мы отправились въ отдѣльную комнату и стали играть, я проигралъ рублей двадцать, и мы отправились домой.

Мимоходомъ мы зашли въ зданіе лазарета и тамъ увидѣли, что, благодаря энергичному сжиганію Верберомъ кроватей, мѣсто опросталось довольно порядочное, и мы съ Переверзенко общались на другой день перебраться сюда. Такъ мы и сдѣлали, устроившись въ болѣе удобномъ помѣщеніи, гдѣ было тепло и уютно.

— А что, господа, кому сегодня очередь идти за молокомъ? (Мы ходили за молокомъ въ какія-то небольшія зданія за Малаховымъ курганомъ, гдѣ жили матросскія жены).—Сегодня отправляться Кость, отвѣчалъ Переверзенко, и на его счастье и дорожка такая мягкая послѣ дождя. Ну на, валяй, Костька, тебѣ и книги въ руки, обратился ко мнѣ Верберъ, подавая манерку и двадцать копѣекъ.—Валяй, братъ, поскорѣе, а то ѣсть больно хочется.

Я отправился. Дорога шла по косоугору Малахова кургана, и едва я прошелъ половину косоугора, какъ голова моя неожиданно для меня тряхнулась съ такой силою, что фуражка слетѣла съ головы, и я почувствовалъ какое-то дуновение и ударъ чего-то тяжелого о землю. Я оглянулся и увидалъ у меня подъ ногами на разстояніи не болѣе аршина семипудовую бомбу, шлепнувшаяся въ грязь. Не видя дыма, который долженъ бы идти изъ нея, я сразу сообразилъ, что она или заглохла, ударившись скоропалительной трубкой въ грязь, или трубка выскочила изъ нея въ моментъ вылета ея изъ мортиры; а потому, не торопясь, я поднялъ фуражку и отправился дальше. По моему расчету бомба пролетѣла близъ моей головы въ шести-семи вершкахъ не болѣе.

Когда я возвратился, мои товарищи поздравили меня съ счастливымъ избавленіемъ отъ неминуемой смерти.

— И что съ тобой было бы, еслибъ ты на три четверти аршина шель правѣе? спрашивалъ Верберъ.

— А тоже, отвѣчалъ Переверзенко, что съ собакой—одно воспоминаніе, да можетъ быть кусочки шинели. Тутъ Переверзенко рассказалъ Верберу объ исчезновеніи собаки при взрывѣ девяностошести-фунтовой гранаты.

— Да удивительно счастливый случай, говорили товарищи.

— Это уже второй случай съ нимъ, продолжалъ Переверзенко, причемъ рассказалъ товарищамъ случай моего чудеснаго избавленія у паперти церкви.

— Значить, время еще не пришло, говорилъ я, а что будетъ дальше, знаетъ одинъ Богъ. А я знаю, что кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ.

Да это вѣрно, отозвались товарищи.

— Особенно, братцы, сказалъ Переверзенко, эта пословица подходитъ къ Кроку, который такъ хлопоталъ во время похода о переводѣ его въ резервный батальонъ. И что-же, третьяго дня прибывъ къ намъ съ батальономъ и сдавъ людей въ полкъ, онъ въ числѣ прочихъ офицеровъ уходилъ уже на Графскую пристань, чтобы покинуть навсегда Севастополь, и вдругъ на Екатерининской улицѣ шальной осколокъ бомбы сносить ему именно, а никому другому, часть черепа. А ихъ вѣдь шло шесть человѣкъ.

Ну что-же? И по дѣломъ, сказалъ я, не бѣгай отъ смерти. Онъ забылъ нашу солдатскую пѣснь: „Жизни тотъ одинъ достоинъ, кто на смерть всегда готовъ“. А то, видишь, богатый матушкинъ сынокъ, ему ли быть защитникомъ Царя и отечества? А еще присягу принималъ, туда ему и дорога, горячился я.

— Ну, ну, не горячись, Костька, говорилъ Переверзенко: вѣдь не у всякаго такіе нервы, какъ у тебя, чертенка. Тебѣ что! Влети теперь, къ примѣру сказать, бомба и, разорвавшись, положи насъ всѣхъ на мѣстѣ кромѣ тебя, ты вѣдь и охъ не скажешь.

— Врешь, говорилъ я. Этого, положимъ, я не скажу, за то не премѣнно сказалъ-бы: царство вамъ небесное, братцы, и пошелъ бы отыскивать себѣ другое помѣщеніе.

Послѣ этого, недѣли чрезъ двѣ, мы съ Переверзенко отправились навѣстить Золотой Якорь и на базарной площади увидали штукъ десять или пятнадцать торговокъ, сидѣвшихъ на большихъ чугунахъ или корчагахъ, покрытыхъ толстыми покрывками въ родѣ тюфячковыхъ, и усердно приглашавшихъ попробовать ихъ кашничковъ.

Что за оказія, сказалъ я, обращаясь къ Переверзенко. Давай попробуемъ, что за кашники. И мы подошли къ торговкамъ.

— Вотъ, господа, пожалуйте ко мнѣ. Ко мнѣ, у меня самые лучшіе. У меня самые свѣжіе, у меня самые что ни есть горячіе; вѣрьте Богу, только сейчасъ вынесла, заговорило нѣсколько голосовъ, усердно приглашая насъ.

— Ну покажи, что за кашники? спросилъ я, подходя къ одной изъ нихъ.

Живо соскочивъ со своего сѣдалища, торговка, подавая мнѣ кашникъ, сказала: попробуйте, баринъ, кромѣ меня ни у кого не будете брать.

— А что стоитъ? спросилъ я, увидавъ что-то въ родѣ пирожка, только круглой формы.

— Дешевка, родимый, дешево: пятачекъ пара.

Кашники намъ очень понравились и какъ Переверзенко, обладая хорошимъ обоняніемъ, со смѣхомъ увѣрялъ, что кашники ничѣмъ предосудительнымъ не отзываются, то мы ихъ и уничтожили по цѣлому десятку.

Ну, что же мы теперь будемъ дѣлать въ Золотомъ Якорѣ? спросилъ Переверзенко. Я такъ наѣлся, что уже ничего не могу ѣсть.

— Я то же, отвѣчалъ я; за то пить чай, я думаю, и ты не откажешься.

— Это вѣрно, отвѣчалъ онъ, и мы отправились по принадлежности. Мы уже налили по послѣднему стакану, какъ въ залу вошли знакомый флотскій юнкеръ и симпатичный Еврейчикъ. Поздоровавшись, мы стали задавать другъ другу вопросы и дѣлились своими впечатлѣніями на счетъ Инкерманскаго боя, спрашивая, для чего было выходить въ полевое сраженіе съ нашими не стрѣляющими ружьями.

— Нѣтъ, сказалъ Еврейчикъ, вы скажите, почему Меншиковъ не позволяетъ уничтожить брандерами ихъ громадный коммерческій флотъ, что стоитъ въ Камышевой бухтѣ? сколько охотниковъ являются; нѣтъ, не позволяетъ. А вѣдь два-три брандера и въ свѣжій вѣтеръ съ моря уничтожили бы весь флотъ до одинаго судна. Вспомнили бы хотя исторію, какъ графъ Орловъ при Чесмѣ двумя брандерами сжегъ весь военный Турецкій флотъ. А тутъ подъ бокомъ и при такомъ удобствѣ. И ноль вниманія на всякія предложенія охотниковъ.

— А это имъ въ уплату за то, что они пощадили его при Альмѣ и не взяли Севастополя, когда въ немъ было только два резервныхъ батальона, отвѣчалъ я.

— Да ну ихъ къ черту! Пускай дѣлаютъ, что знаютъ, намъ все равно умирать-то, сказалъ флотскій юнкеръ, а пока живы, можетъ сыграть? обратился онъ ко мнѣ.

Можно, отвѣчалъ я, и отправился со всей компаніей въ извѣстную намъ комнату.

Мы проиграли не болѣе часу. Мнѣ опять не везло; проигравъ двадцать пять рублей, я, досадуя на себя, кончилъ игру.

— Скверно, думалъ я, на оставшіеся три рубля долго не проживешь.

— Чтò братъ, говорилъ мнѣ Переверзенко, не везетъ тебѣ съ этимъ юнкеромъ; охота тебѣ съ нимъ связываться.

— Ну ладно, отвѣчалъ я; молоды, еще отыграемся.

Возвратясь домой уже поздно, я нашелъ въ нашемъ помѣщеніи родного брата, возвратившагося изъ Керчь-Еникальскаго госпиталя, въ которомъ онъ лечился отъ Крымской лихорадки. Сообщивъ ему о нашемъ житьѣ-бытьѣ, я упомянулъ, что мои финансы пришли въ плачевное положеніе.—Ничего, сказалъ онъ, у меня есть рублей пятнадцать, пока еще проживемъ.

На другой день, 2-го Ноября, день можно сказать знаменательный, день, который не забудется всѣми бывшими тогда въ Севастополь, такъ же, какъ не забудется первый день бомбардировки, 5-го Октября. Штормъ, начавшійся съ утра, къ полудню дошелъ до того, что перейти Карабельную площадь противъ вѣтра можно было лишь согнувшись въ три дуги, разрѣзая вѣтеръ головой. И не только выпрямиться, но достаточно было повернуться бокомъ къ вѣтру, чтобы моментально быть имъ брошену на землю. Въ этотъ штормъ болѣе ста непріятельскихъ коммерческихъ судовъ погибли въ пучинахъ бурнаго моря. Даже одинъ изъ военныхъ паровыхъ фрегатомъ былъ выброшенъ на мель. И одинъ изъ стадвадцатипушечныхъ кораблей, стоявшихъ въ цѣпи въ блокадѣ Севастополя, былъ сорванъ съ якоря и понесся къ Константиновской батарее. Корабль бросался удивительно: то онъ стоялъ на высокой горѣ, когда его вскидывало на вершину волны, то видна была лишь верхняя половина его высокихъ мачтъ, когда онъ низвергался въ какую-то бездну. Какимъ-то чудомъ онъ спасся отъ неминуемой гибели. Константиновская батарея не сдѣлала ни одного выстрѣла, не смотря на то, что злополучный корабль былъ отъ нея въ разстояніи полу-пушечнаго выстрѣла, чѣмъ вѣроятно заслужила общую симпатію союзнаго флота, пощаженнаго Меншиковымъ отъ сожженія брандерами, быть можетъ потому, что былъ увѣренъ, что мы въ концѣ концовъ потерпимъ полное фіаско въ этой неровной войнѣ и чтобы намъ не пришлось по заключеніи мира еще вознаградить союзниковъ за уничтоженіе ихъ флота. (Впрочемъ это разсужденіе позднѣйшаго времени, а въ то время всѣ злились на свѣтлѣйшаго).

Въ этотъ день мы отправились съ братомъ въ трактиръ и, пообедавъ, я зашелъ въ ту комнату, въ которой по обыкновенію шла игра. Металь поручикъ какого-то полка, и три офицера разныхъ полковъ, сидя противъ него, понтировали. Я сѣлъ рядомъ съ банкометомъ и попросилъ позволенія участвовать въ игрѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ онъ мнѣ.

Въ банкѣ было что-то много, и я не узналъ, съ чего начать ставку. Офицеры ставили не меньше трехъ рублей. Наконецъ я рѣшился и началъ съ полутора рубля. Мнѣ повезло, и не прошло часа, какъ я былъ въ выигрышѣ семидесяти рублей. „Довольно“, подумалъ я и кончилъ играть.

—Что же вы не играете? ставьте, обратился ко мнѣ банкометь.

—Довольно, отвѣчалъ я, съ меня и этого будетъ.

—Да играйте, уговаривалъ меня онъ: вѣдь вамъ везетъ, чего же вы? Когда больше понтѣровъ, то и метать веселѣе.

Въ это время приходитъ братъ и передаетъ мнѣ четвертакъ, полученный сдачи, говоря: Убери въ портъ-моне, четвертакъ нынѣшняго года. Я посмотрѣлъ на новенькій четвертакъ и началъ имъ вертѣть отъ нечего дѣлать.

—Да приставьте, обратился ко мнѣ снова банкометь, чего тутъ четвертакомъ-то вертѣть.

—Ну если хотите, вотъ готовъ проиграть вамъ этотъ четвертакъ, сказалъ я.

—Ставьте, сказалъ онъ, предполагая навѣрно, что если я проиграю, то не выдержу и буду продолжать, что бываетъ со многими неимѣющими силы воли.

—Ну идетъ пятнадцать копѣекъ, сказалъ я и поставилъ одну изъ картъ, валявшихся на столѣ. Карта была мнѣ дана. Я написалъ пятнадцать и черкнулъ уголокъ, снова поставилъ карту, то-же валявшуюся на столѣ, уголь былъ данъ. Я подчеркнулъ второй уголь, что обозначало, что идетъ на семь кушей и опять поставилъ случайно попавшуюся подъ руку карту и то же выигралъ. Я продолжалъ ставить карту за картой, подчеркивая только уголки, и каждую карту мнѣ давали и давали.

—Сосчитайте, сказалъ мнѣ одинъ изъ понтѣровъ, когда мнѣ дана была семнадцатая или восемнадцатая карта. Вѣдь тутъ чертъ знаетъ сколько у васъ выиграно.

— Не буду считать, отвѣтилъ я, пусть бьютъ, послѣ сосчитаемъ. Наконецъ двадцать третья карта была убита. Стали считать, и оказалось, что двѣсти сорокъ рублей, находившіеся въ банкѣ, были сорваны одинадцатой картой, а остальные метались, когда въ банкѣ не было ни копѣйки.

Вотъ каковъ четвертакъ, говорилъ я, обращаясь къ банкомету и забирая изъ банка деньги. При всемъ моемъ желаніи проиграть вамъ его, я сдѣлать этого никакъ не могъ, по вашей же милости.

— Чертъ знаетъ, говорили прочіе понтёры, это достойно удивленія. Взять подъ рядъ двадцать двѣ карты! Да сто лѣтъ проиграй, подобный случай не увидишь.

— Да, сказалъ одинъ изъ понтёровъ, еще мичманомъ, я былъ свидѣтелемъ здѣсь въ клубѣ, какъ одинъ нашъ лейтенантъ проигралъ здѣшнему коммерсанту около тысячи рублей. Поужинавъ довольно уже поздно, они отправились по домамъ. Но выйдя на подѣздъ увидали, что былъ большой дождь и въ ту минуту моросилъ еще маленькій. Эхъ, чертъ возьми, сказалъ коммерсантъ, понадѣлся на погоду и не надѣлъ калошъ. Обязательно промочу ноги и получу по обыкновенію насморкъ, и ни одного мерзавца извощика нѣтъ.

— А я въ калошахъ, сказалъ лейтенантъ и добавилъ смѣясь: хотите выиграть? Примѣряйте впору-ли? и снялъ одну калошу. Коммерсантъ то же смѣясь примѣрялъ и, надѣвъ, сказалъ: чуточку велики; ну да ладно, идетъ! Во сколько заложите? Не новые, отвѣчалъ тотъ, въ двухъ съ половиной. Идетъ, говорилъ коммерсантъ, и оба вернулись спросить карты, и лейтенантъ сталъ метать, убилъ первую карту, убилъ вторую, третью, да подрядъ восемь картъ. Игра началась уже серьезная, лейтенантъ спросилъ новыя карты, и кончилось тѣмъ, что коммерсантъ проигралъ и первый выигрышъ, да кромѣ того своихъ, а всего ни мало, ни много, какъ семь тысячъ рублей. Вотъ тебѣ и старья калоши, добавилъ разскащикъ.

Насталъ Декабрь, и нашъ батальонъ помѣщенъ былъ въ казармы Брестскаго полка, находившіеся позади Малахова кургана и много правѣе его. Мы пришли туда къ вечеру и, поставивъ свое ружье у наръ около полокъ, я ушелъ по обыкновенію въ трактиръ и, возвращаясь довольно поздно, засталъ роту уже спящей на нарахъ и на полу. Миѣ было весьма нежелательно укладываться на полу и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось и тревожить лежавшихъ на нарахъ. И вотъ, не долго думая, я взобрался на верхнюю полку и, подложивъ подъ голову сумку съ патронами, заснулъ богатырскимъ сномъ, рѣшивъ по утру нанять

гдѣ нибудь поближе квартиру. Но утромъ, какъ только проснулась рота, я почувствовалъ, что меня держутъ за плечи и за ноги. Открываю глаза и вижу удивленную физиономію одного изъ ундеръ-офицеровъ, державшаго меня за плечо и говорившаго: Помилуйте, Константинъ Ивановичъ, куда это вы забрались, развѣ такъ можно? Вы развѣ не видѣли, что съ обѣихъ сторонъ стоятъ ружья съ примкнутыми штыками; храни Богъ, если-бъ вы свалились, то вѣдь прямо на штыки. Подка-то и шести вершковъ не будетъ. Я слѣзъ съ полки и перебрался досыпать на нары.

Въ тотъ же день мы съ братомъ перебрались на квартиру, въ которой и пробыли до выступленія полка въ Сѣверное укрѣпленіе, 17-го Января 1855 года.

Прощай, Севастополь, говорили мы, переѣзжая на военномъ пароходѣ съ Графской пристани; мы отдежурили сто шестнадцать дней; авось теперь отдохнемъ.

Въ Сѣверномъ укрѣпленіи мы пробыли около полутора мѣсяца.

Какъ-то разъ, проходя изъ Сѣвернаго укрѣпленія въ духанъ штабнаго маркитанта (замѣчательнаго тѣмъ, что въ немъ можно было имѣть все самое лучшее, какъ въ отношеніи продовольствія, такъ и всего необходимаго для нуждъ офицера), я увидалъ много деревянныхъ палатокъ, въ которыхъ матроски жарили пышки и угощали проходящихъ, восхваляя ихъ достоинство.

Какъ любитель мучного, я сейчасъ-же соблазнился и, оставшись очень доволенъ ихъ вкусомъ, повадился ходить туда каждый день. Но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока я не похвастался Перверзенкѣ своимъ открытіемъ.

—Да что ты, съ ума сошелъ, сказалъ онъ мнѣ. Знаешь, на чемъ эти пышки приготовляются?—Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ я, но онѣ очень вкусныя.—Вкусныя, можетъ быть, но поганыя, это вѣрно. Дурень ты, продолжалъ онъ смѣясь, вѣдь онѣ приготовляются на такелажномъ салѣ.—А что это за такелажное сало? спросилъ я удивленно.—А это сало, которымъ смазываютъ на корабляхъ такелажъ, машины и прочее, а готовится оно изъ всякой падали.

—Ахъ, чтобъ ихъ черти побрали! ругался я и съ тѣхъ поръ даже отворачивался отъ проклятыхъ палатокъ, когда проходилъ мимо ихъ.

Въ концѣ Февраля или началѣ Марта мы выступили въ аулъ Черкесь-Керманъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Севастополя, гдѣ стоявъ недѣли двѣ или три, перешли на позицію Мекензіевой горы,

верстахъ въ десяти отъ Севастополя. Обширное плато, окруженное мелкимъ лѣсомъ, было противъ самой Байдарской долины. На этомъ плато и расположился нашъ полкъ глаголемъ. Отсюда Севастополь былъ виденъ, какъ на ладони.

Придя на эту позицію, первымъ долгомъ было приступлено къ устройству шалашей, чтобы защититься отъ лучей палящаго солнца. Въ первые три дня мы блаженствовали. Но вотъ листья высохли, облачное небо закрылось сплошной тучей, и пошелъ довольно сильный дождь, выгнавшій всѣхъ изъ шалашей, въ которыхъ мѣстами лило такъ сильно, что мы предпочли быть подъ открытымъ небомъ. Часа черезъ два, сильный дождь перешелъ въ мелкій морозящій, все же не позволяющій поселиться въ шалашахъ. Развели громадные костры, рассчитывая, что на слѣдующее утро мы высохнемъ на солнцѣ, а ночью погрѣемся около костровъ. Но эти надежды не оправдались, такъ какъ этотъ мелкій дождь шелъ ровно трое сутокъ. Насквозь промокшіе и иззябшіе мы спасались днемъ около костровъ, а на ночь придумали слѣдующее. Выгребалось побольше угольевъ самыхъ горячихъ, и валили ихъ въ то мѣсто, гдѣ кому удобнѣе было лечь. Нагрѣвъ свое ложе и освободивъ его отъ угольевъ, мы укладывались на сонъ грядущій, поворачиваясь къ костру, то спиной, то грудью. На четвертый день, просохнувъ на благодатномъ солнцѣ, мы стали строить землянки, въ которыхъ и размѣстился весь полкъ.

Позиція, которую заняли мы, была коренная. На ней была расположена вся наша дивизія съ артиллеріей по дорогѣ къ Севастополю. Съ этой позиціи мы ходили чрезъ три недѣли въ четвертую на такъ называемую авангардную позицію, гдѣ одинъ полкъ смѣнялся другимъ,

Эта авангардная позиція шла отъ главной бухты вдоль праваго берега Черной рѣчки, съ возведенными на ней разнаго наименованія батареями, и ближайшая къ бухтѣ называлась батарея литеры А., на которую и пришелъ нашъ батальонъ въ Четвергъ на Страстной недѣлѣ.

Въ первый день Пасхи я отпросился у батальоннаго командира въ госпиталь, находившійся на Сѣверной сторонѣ, гдѣ въ это время былъ мой братъ, заболѣвшій опять Крымской лихорадкой. Погода была чудная, безоблачная, и я часовъ въ десять отправился въ путь. Пройдя почти половину разстоянія, я издали увидаль флотскаго генерала, ѣхавшаго верхомъ на сѣрой лошаdkѣ. Онъ ѣхалъ мнѣ на перерѣзъ. Сообразивъ, что мы неминуемо должны встрѣтиться и не желая быть невѣжливымъ, я быстро оправился, подтянулся и сталъ приближаться

къ генералу; но онъ уже шель пѣшкомъ и велъ свою лошадь въ поводу. Выйдя на дорогу, я снялъ фуражку и, сдѣлавъ ему фронтъ, остановился, чтобы пропустить его. Генераль подошелъ ко мнѣ.—Христосъ Воскресе, сказалъ онъ и, подойдя ко мнѣ, снялъ съ себя фуражку.—Воистину Воскресе, ваше превосходительство, отвѣтилъ я, и мы похристосовались. Генераль сѣлъ на лошадь и отправился по направлению къ Маяку, а я на Сѣверную сторону.

Кто былъ этотъ, генераль, я не зналъ; но черты его лица вѣзались въ мою память. Лѣтъ черезъ семь, въ Морскомъ Корпусѣ, въ пріемной посѣтителей воспитанниковъ я увидалъ портретъ, висѣвшій на стѣнѣ. Ба, вотъ тотъ генераль, который христосовался со мной, вспомнилъ я, глядя на его портретъ. Подхожу ближе и читаю: Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Миръ праху твоему, незабвенный генераль, промелькнуло у меня въ головѣ.

Придя въ госпиталь и пробывъ у брата съ полчаса, я отправился въ Севастополь, гдѣ въ этотъ день была ужасная бомбардировка. По Екатерининской улицѣ стоялъ неотстроенный трехъэтажный домъ, и мнѣ вздумалось оттуда полюбоваться на дымящіеся наши бастіоны и батареи. Не теряя времени, я забрался совершенно свободно на третій этажъ. Отсюда я видѣлъ устроенный на мелкихъ судахъ мостъ черезъ малую бухту, по которому мнѣ слѣдовало перейти, такъ какъ я шель навѣстить симпатичнаго Еврейчика, завѣдывавшаго складомъ мебели и складомъ убитыхъ защитниковъ Севастополя. Вдоль малой бухты сыпались одно за другимъ рикошетирующія ядра, которыя то тонули не долетая моста, то перелетая черезъ него.—Да, подумалъ я, чертъ возьми! Мнѣ вѣдь по этому мосту надо идти. И странное дѣло, ни разу не бившееся во мнѣ сердце въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ постоянной бомбардировки вдругъ забилося, какъ-бы испугавшись чего-то особенно страшнаго. Чтѣ это со мною? подумалъ я, отчего этотъ непонятный для меня какой-то страхъ? Могу ли я струсить послѣ всего, чтѣ я видѣлъ и чтѣ испыталъ? Вотъ вопросы, которые я задавалъ себѣ. Ну врешь, Костька; это братъ у тебя нервы шалять, три мѣсяца отдыхали, отвыкли, вотъ и все и, пропѣвъ сигналъ переправы, „хоть какую переправу перейдемъ ее на славу, маршъ“, отправился прямо къ мосту и благополучно перешель его.

Неожиданное мое появленіе у Еврейчика удивило его. Какъ это вы ввалились въ этотъ адъ? Откуда? Я рассказалъ, что былъ у брата и что хотѣлось повидаться съ нимъ и узнать, живъ ли онъ.—Ну спасибо, сказалъ онъ. Вотъ не ожидалъ, чтобы кому-нибудь пришла охота

ходить по гостямъ въ такое время. Ой, ой, ой! Ну за то я васъ угощу настоящей пасхой. У васъ на позиціи вѣроятно этимъ не занимались. И, подавши самоваръ, онъ угостилъ меня превосходной пасхой и куличемъ.

Напившись чаю и закусивъ, я хотѣлъ было уходить. Нѣтъ, сказалъ онъ, я васъ не пущу. Вы и не думайте; вѣдь это же безуміе такъ зря рисковать своей жизнью.

— Вы думаете, убьютъ? Полно-те, не убьютъ, убѣждалъ я его, а если быть убитымъ, такъ и сюда можетъ залетѣть семипудовая; она прошибетъ все ваши потолки и сводъ, подъ которымъ вы обрѣтаетесь. — Ладно, тогда я по крайней мѣрѣ буду знать, что вы убиты, а до двѣнадцати часовъ я васъ не пущу, рѣшилъ онъ. Въ двѣнадцать часовъ ночи придетъ барказъ, вы вмѣстѣ съ мертвыми и отправитесь, а до тѣхъ поръ мы пообѣдаемъ и напьемся чайку, а если захотите отдохнуть, вотъ вамъ и кровать, добавилъ онъ, указывая на превосходную постель.

Въ двѣнадцать часовъ ночи пришли сказать, что барказъ поданъ и покойниковъ переносятъ. Ну вотъ теперь пойдемте, сказалъ Еврейчикъ (несомнѣнно крещеный), теперь вы несомнѣнно благополучно дождете. И мы отправились къ барказу, на который складывали мертвыхъ. Усѣвшись около кормы, я смотрѣлъ на ясное звѣздное небо, и не прошло пяти минутъ, какъ надъ казармами пролетѣло каленое ядро, приблизительно сажень на сто надъ поверхностью земли. Полетъ очень красивый.

— Куда это они калеными-то валяютъ? спрашивалъ я у гребца-матроса.

— А кто ихъ знаетъ, отвѣчалъ онъ, по Императрицѣ Маріи (стадцатипушечный корабль) или по Владимиру (пароходъ).

Подождавъ еще нѣсколько минутъ, пока не уложили всехъ покойниковъ, мы отчалили, и я все смотрѣлъ вверхъ, не полетитъ ли еще чугуяный метеоръ. Но нѣтъ, это былъ единственный, который я видѣлъ.

Въ послѣднихъ числахъ Іюля прошелъ слухъ по полку, что вызываютъ охотниковъ на Севастопольскіе бастіоны. Провѣривъ его и узнавъ, что это вѣрно, я отправился къ батальонному командиру, прося его назначить меня въ Севастополь. Чтò ты съ ума сошелъ? сказалъ онъ. И не думай, слышишь. Офицеромъ и безъ того будешь, а въ Севастополь я тебя не пущу. Слышалъ?—Слышалъ, Павелъ Васильевичъ, отвѣчалъ я печально.—Ну значить и разговаривать больше

не о чемъ. Ступай съ Богомъ. Я раскланялся и ушелъ. Значить, не судьба, подумалъ я.

Послѣ этого нашъ полкъ вскорѣ отправился на авангардную позицію, и часть юнкеровъ была оставлена на крайней позиціи по случаю назначеннаго для нихъ смотра начальникомъ дивизіи. И вотъ 3-го Августа въ семь часовъ вечера приходитъ ко мнѣ Переверзенко и говорить: Ты чего же не собираешься? Вѣдь намъ надо идти въ Волчій Яръ для соединенія съ полкомъ. Завтра будетъ сраженіе, а сегодня ночью мы пойдемъ занимать позицію. Знаю, знаю, сказалъ я, и сталъ собираться. Собравшись, я вынулъ послѣднюю десятирублевую бумажку и, показывая ее Переверзенкѣ, сказалъ.—Пойдемъ, братъ, къ маркитанту; выпьемъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ. Да кстати и сдачу получу серебромъ. Если раненый попадусь въ плѣнъ, то все таки буду съ деньгами. Выпивъ у маркитанта бутылку Шампанскаго и получивъ сдачи четыре рубля, мы до пробитія зари отправились въ Волчій Яръ, гдѣ уже застали собравшихся и лежащихъ нашихъ товарищей.

Что вы тутъ валяетесь? обратился я ко всѣмъ вообще: такъ-то вы проводите послѣдніе часы? Эхъ вы, золотое время тратите. Идите-ка сюда къ огоньку, приглашалъ я товарищей, разводя огонь. Сыграемъ передъ смертью въ штосикъ, я и карты захватилъ. Если убьютъ, то деньги уже не понадобятся. Нѣкоторые расхохотались и подошли, другіе назвали меня окаяннмъ, но все-таки тоже подходили и пробовали счастья, которое преимущественно было на моей сторонѣ.

Къ приходу полка у меня вмѣсто четырехъ рублей оказалось болѣе пятидесяти. Экая счастливая собака, говорили нѣкоторые: ему вездѣ и во всемъ везетъ. Тутъ игра прекратилась, и мы отправились въ роты по своимъ мѣстамъ и какъ только священникъ прошелъ мимо батальоновъ, кропя ихъ святой водой, всѣ тронулись на боевыя позиціи, гдѣ мы прилегли, ожидая разсвѣта и приказаній. Пролежали около трехъ часовъ, и только что разсвѣло, мы подвинулись впередъ и стали правѣ деревни Чоргунъ, на большой возвышенности противъ такъ называемыхъ Оедюхиныхъ высотъ. Правѣ насъ, въ разстояніи около версты виднѣлась двѣнадцатая дивизія, выстроенная фронтомъ вдоль рѣчки.

Батальоны нашего полка построены были въ ротныя колонны. Взошло солнце, и минутъ чрезъ двѣнадцать дивизія подъ командой генерала Реада (убитаго въ этомъ сраженіи) открыла огонь. Но за дымомъ мы ничего не видали, а только слышали настолько частые вы-

стрѣлы, что ихъ можно было сравнить только съ дробью нѣсколькихъ барабановъ.

Но вотъ кто-то прискакалъ, что-то сказалъ полковому командиру, и нашъ полкъ двинулся къ Черной рѣчкѣ подь крикъ несмолкаемаго ура части двѣнадцатой дивизіи, бросившейся на каменный мостъ.

Для перехода чрезъ Черную рѣчку были сдѣланы деревянные перекидные мостики преимущественно для переправы артиллеріи. Но они оказались коротки, и поэтому рѣчку пришлось переходить въ бродъ, кому по колѣно, а кому и выше пояса.

Наша рота при переходѣ рѣчки выдержала нѣсколько залповъ картечью непріятельской артиллеріи. Тутъ былъ раненъ въ обѣ ноги батальонный командиръ четвертаго батальона, и меня позвали къ нему на помощь. Вдвоемъ съ однимъ изъ товарищей, мы перевели раненаго маіора обратно чрезъ рѣчку и, подьходя къ Чоргуну, страшно утомленный, я едва двигался подь тяжелой ношей. Къ счастью встрѣтился одинъ изъ нашихъ юнкеровъ, и я попросилъ его замѣнить меня, на что онъ охотно согласился; а я легъ, смотря на отступавшій уже нашъ полкъ. Но отдыхъ мой былъ самый непродолжительный. Зная, что при приближеніи полка начнутъ визжать рикшетныя шальныя пули, и не желая быть бесполезной жертвой ихъ, я всталъ и отправился по направленію къ перевязочному пункту, мимо котораго приходилось идти къ нашей коренной позиціи.

Меня нагнало нѣсколько юнкеровъ, отдѣлившихся отъ полка, отправившагося на авангардную позицію. Дойдя до перевязочнаго пункта, мы всѣ сдѣлали привалъ и послѣ часового отдыха отправились на нашу коренную позицію.

Въ интервалѣ нашихъ батальоновъ мы увидали большое количество очень большихъ палатокъ, въ которыхъ находились перевязанные и ампутированныя раненыя, пришедшіе и привезенные съ перевязочнаго пункта.

Я возвратился на позицію часа въ четыре, изнеможенный отъ усталости и, мучимый ужасной жаждой, отправился въ одну изъ нашихъ землянокъ, гдѣ помѣстились сестры милосердія. Встрѣтивъ одну изъ нихъ, я попросилъ ее, если возможно, утолить мою жажду. Сейчасъ, сказала она, подождите минутку, и минуты чрезъ двѣ она вынесла мнѣ огромный желѣзный ковшъ съ какой-то жидкостью. Я какъ припалъ къ ковшу, такъ и не оторвался отъ него, пока не допилъ всего безъ остатка. Жидкость оказалась клюквеннымъ превосходнымъ морсомъ. Отблагодаривъ сестру, я отправился спать въ свою землянку и проспалъ ни много ни мало, какъ двадцать семь часовъ подь рядъ.

Вечеромъ на другой день сраженія, собравшись въ землянкѣ, мы разсуждали, для чего мы ходили въ бой на позицію, занятую Сардинцами, позицію, которая, два мѣсяца тому назадъ, не только что была свободна, но даже занята нами, такъ какъ гораздо дальше ея и ближе къ союзникамъ стоялъ Греческій полу-батальонъ (волонтеры) въ видѣ наблюдательнаго поста.

— А чертъ ихъ знаетъ, для чего. Должно быть для того-же, для чего ходили и въ Инкерманское сраженіе. Положили нѣсколько тысячъ, и ладно. Кстати и вакансіи открылись, вотъ насъ произведутъ, развѣ это плохо? замѣтилъ кто-то.

— Да, намъ, конечно, оставшимся въ живыхъ и легко раненымъ отлично, а убитымъ? спросилъ я.

— А убитымъ еще лучше, сказалъ Переверзенко; ибо тамъ нѣсть болѣзней и печалей и воздыханій.

— Ну, пока чтò, а мы, кажись, въ настоящее время не больно-то печалимся, замѣтилъ я.

По утру 6-го Августа я отправился смотрѣть, какъ рѣжутъ руки и ноги, которыхъ въ одной изъ палатокъ былъ сложенъ цѣлый ворохъ. Ничего, довольно интересно. Доктора буквально забрызганы кровью съ головы до ногъ. Самое чистое мѣсто у нихъ руки, которыя они то и дѣло мыли. Въ палаткахъ находилась раненыхъ не одна тысяча, но одинъ ли это былъ перевязочный пунктъ, навѣрное не знаю.

Въ двѣнадцать часовъ дня 28-го Августа, въ совершенно безоблачный день, мы услышали отдаленную чрезвычайно частую ружейную пальбу и, выскочивъ изъ землянокъ, увидали, что Севастопольскіе бастионы всѣ въ дыму и пальба слышится оттуда.

— Ну это опять штурмъ, сказалъ кто-то изъ насъ, чѣмъ-то кончится?

— А тѣмъ-же, чѣмъ и 26-го Іюня, сказалъ я. Уложить ихъ нягдо брата тысячъ двадцать, вотъ и все.

— Ну это еще Богъ знаетъ, сказалъ Переверзенко, мостъ-то вѣдь не даромъ устроили.

Вечеромъ мы догадались, что Севастополь оставляется. Частые взрывы и пожары во многихъ мѣстахъ ясно доказывали это. Послѣднія горѣли суда разныхъ наименованій.

На другой день мы узнали, что штурмъ съ громадной потерей для союзниковъ былъ отбитъ вездѣ, кромѣ Малахова кургана, который тоже могъ бы быть отбитъ, но въ виду невозможности продолжать защиту Севастополя, вообще вслѣдствіе ежедневной убыли въ войскахъ,

дошедшей до семи сотъ человѣкъ, рѣшено было оставить Севастополь. Оборонительная линія его была уничтожена человѣческой кровью, а рвы неоднократно были наполняемы тѣлами союзниковъ, гордившихся взятіемъ штурмомъ Севастопольскихъ твердынь, которыя могли быть взяты безъ выстрѣла одиннадцать мѣсяцевъ раньше.

Часть вышедшихъ изъ Севастополя войскъ расположилась на Мекензиевой горѣ, и на площади, противъ нашего полка, расположилась цѣлая дивизія, которая своей численностью не превосходила одного полка.

Однажды, проходя передней линіей землянокъ, я увидалъ пропасть сушившихся на солнцѣ ружейныхъ патроновъ, подмоченныхъ во время двукратнаго перехода рѣчки и, узнавъ, что онѣ въ сдачу не послѣдуютъ, не долго думая забралъ ихъ себѣ въ землянку.

Весь порохъ, оказавшійся совершенно сухимъ, я высыпалъ въ двѣ бутылки, изъ пуль началъ въ бумажныя формы отливать орудія, которыхъ и соорудилъ шесть штукъ, а лафеты устроилъ по образцу крѣпостной артиллеріи. Когда онѣ были готовы, мы съ Переверзенко на благородной дистанціи отъ землянокъ устроили по всѣмъ правиламъ науки, одну противъ другой, батареи, каждая въ три орудія на дистанціи десяти шаговъ и въ теченіе недѣли разбивали другъ друга, а поврежденное немедленно исправляли. Когда-же это намъ надоѣло, я рѣшилъ изъ всѣхъ шести орудій сдѣлать одно, чтѣ и было исполнено. Стрѣлять изъ него рѣшено было ракетами, которыя я умѣлъ дѣлать отлично. И вотъ какъ-то вечеромъ къ намъ въ землянку приходитъ Верберъ и спрашиваетъ меня: что-же, будешь стрѣлять ракетами?— Непремѣнно, и, взявъ орудіе, зарядивъ его, выйдя изъ землянки съ прочими товарищами и уставивъ орудіе по направленію вверхъ, сидя на корточкахъ, я приложилъ фитиль къ затравкѣ. Грохнулъ выстрѣлъ, грохнулся и я, т. е. опрокинулся навзничъ и лежа на землѣ смотрѣлъ, хорошо ли летитъ моя ракета.

— Охъ чертъ тебя дери съ твоей ракетой! говорилъ Верберъ, входя въ землянку и держась рукой за правое ухо.—Чтѣ съ тобой? спрашивали меня товарищи.—Пушку твою разорвало, говорилъ Переверзенко, внося ее въ землянку, гдѣ и наведено было дознаніе. Оказалось, что отъ взрыва пушки меня ударило лѣвой стѣнкой лафета въ правую часть лица, поранивъ бровь, носъ и правую скулу, а ухо Вербера слегка разрѣзано. Послѣ этого я уже не возобновлялъ опытовъ съ орудіемъ.

Что-же мнѣ дѣлать съ этимъ порохомъ? думалъ я, глядя на насыпанныя имъ двѣ бутылки. Наконецъ я придумалъ: взорвать мину и

посмотрѣть, высоко-ли подымутся камни. Это недурно, подумалъ я, а главное эффектно, и началъ готовить свѣтящіеся паровые шарики величиною въ горошину, по калибру маленькой мѣдной пушечки, найденной гдѣ-то однимъ нашимъ солдатомъ, отдавшимъ ее мнѣ.

Когда ядрышки были готовы, я выкопалъ ямку шагахъ въ шести отъ своей землянки, поставилъ въ нее бутылку съ порохомъ и осыпалъ ее еще кругомъ порохомъ изъ другой бутылки. Затѣмъ я засыпалъ все каменистой землей и устроилъ довольно большой курганчикъ тоже изъ каменистой земли. Устроивъ все какъ слѣдуетъ, я оповѣстилъ всѣхъ товарищей (мы всѣ были уже офицеры), что буду взрывать мину, и кого это заинтересовало явились посмотреть. Всѣ стали кружкомъ не болѣе четырехъ шаговъ отъ мины. Любопытныхъ оказалось человѣкъ двѣнадцать. Я вынесъ свое полевое орудіе и съ четырехъ шаговъ дистанціи началъ пускать свѣтящіеся ядра, направляя ихъ на площадку кургана, посыпанную толченымъ порохомъ. Первые два выстрѣла не удались, но третій угодилъ въ самую площадку. Порохъ вспыхнулъ, затѣмъ зашипѣлъ дымовой фонтанъ, и послѣдовалъ взрывъ. Всѣ взглянули вверхъ и увидали массу поднявшихся камней, которые неминуемо должны были упасть хотя частію на то мѣсто, гдѣ мы стояли, и мы какъ сумасшедшіе бросились всѣ по землянкамъ, подъ градомъ упрековъ моихъ товарищей, проклинавшихъ мою изобрѣтательность.

— Чтò ты, дьяволь, надѣлалъ? говорилъ Переверзенко, вбѣгая со мною въ землянку, вѣдь ты чуть чуть всѣхъ не уложилъ на мѣстѣ: камни-то пролетѣли около самой рожи.

— Да вѣдь никого не задѣло, такъ о чемъ толковать? говорилъ я въ свое оправданіе, между тѣмъ какъ обратно падавшіе камни барабанили по землянкѣ; а вотъ не задѣло-бъ кого обратно падающими камнями, которые чертъ знаетъ куда разлетятся, вотъ это пожалуй будетъ скверно.

— Ну да Богъ милостивъ, авось никого не задѣнетъ, заключилъ я, надѣясь на возможную случайность. Однако моя надежда не оправдалась.

На другой день я узналъ, что два камня угодили въ солдатъ нашего полка, къ счастью не причинивъ имъ никакого серьезнаго вреда. Но одинъ солдатъ десятой дивизіи, стоявшей противъ нашего полка, былъ раненъ на столько серьезно, что былъ отправленъ въ лазаретъ. Его полковой командиръ жаловался нашему начальнику дивизіи по этому обстоятельству; но я не получилъ никакого замѣчанія ни съ

той, ни съ другой стороны, такъ какъ нашъ полковой командиръ зналъ меня за исправнаго юнкера и офицера.

Время на занимаемой нами позиціи тянулось однообразно, мы ходили только черезъ каждыя три недѣли на авангардную позицію.

Но вотъ въ Октябрѣ мы удостоились посѣщенія Государя Императора Александра Николаевича, сдѣлавшаго смотръ уцѣлѣвшимъ остаткамъ войскъ отъ небывалой до тѣхъ поръ бойни. Государь стоялъ со свитой въ интервалѣ между землянокъ нашихъ батальоновъ, гдѣ послѣ сраженія 4-го Августа былъ перевязочный пунктъ.

Нашъ полкъ, переформированный въ трехъ батальонный составъ послѣ послѣдняго сраженія, прошелъ церемоніальномъ маршемъ мимо Государя, также какъ и слѣдующіе полки.

Пропустивъ мимо себя полки, Государь сталъ объѣзжать полки, выстроенные въ одну линію по дорогѣ къ Севастополю и благодарилъ за службу, при чемъ офицеры были вызываемы на средину полка, и Государь отдѣльно благодарилъ насъ за самоотверженную службу.

— А какая у тебя была убыль 4-го Августа? спросилъ Государь у нашего командира полка.

— Девятьсотъ пятнадцать человекъ, Ваше Величество, отвѣчалъ онъ (полкъ шелъ въ сраженіе имѣя не болѣе двухъ тысячъ трехъ сотъ человекъ).

Государь еще разъ поблагодарилъ и отправился въ слѣдующій полкъ.

Въ Ноябрѣ проклятая лихорадка опять заставила меня отправиться въ Симферопольскій госпиталь, гдѣ я пролежалъ цѣлый мѣсяцъ и гдѣ познакомился съ однимъ гусарскимъ юнкеромъ, находившимся при своемъ больномъ братѣ. Однажды я его позвалъ съ собою въ театръ. Да вѣдь мнѣ нельзя, сказалъ онъ.—Мнѣ тоже нельзя, такъ какъ я еще въ госпиталѣ, а потому мы съ вами заберемся въ раекъ, и никто на насъ и вниманія не обратитъ, уговаривалъ его я. Ну значить, сказано и сдѣлано. Послѣ театра я его пригласилъ заѣхать въ маленькій ресторанчикъ, откуда, закусивъ и выпивъ полбутылки Шампанскаго, мы собрались уходить, когда въ дверяхъ я встрѣтился съ флотскимъ юнкеромъ, который дважды поражалъ меня въ Севастополь на зеленомъ полѣ.

А, Константинъ Ивановичъ, какими судьбами? задалъ онъ мнѣ вопросъ. Я рассказалъ. Что-же не сыиграемъ ли? спросилъ онъ. Я согласился. Онъ повелъ меня чрезъ буфетъ въ другую комнату, и на-

чалась игра. Мнѣ сильно везло, и подѣ конецъ, взявъ подрядъ тринадцать картъ и выигравъ триста рублей, я, подѣ предлогомъ необходимости возвратиться въ госпиталь, прекратилъ игру и любезно простился съ юнкеромъ, поблагодаривъ его за реваншъ.

Въ госпиталь днѣ чрезъ два послѣ этого я узналъ, что нашъ полкъ въ кадровомъ составѣ ушелъ для сформированія въ Херсонскую губернію. Сначала я было хотѣлъ отправиться туда-же, но затѣмъ передумалъ и рѣшилъ ѣхать въ главный штабъ, находившійся въ то время въ Бахчисараѣ и подать докладную записку начальнику штаба, прося о прикомандированіи меня для совмѣстнаго служенія съ роднымъ братомъ, оставшимся въ прикомандировкѣ съ прочими субалтернъ-офицерами полка.

Подавъ лично записку начальнику штаба, я отправился въ полкъ, гдѣ находился братъ. Ихъ полкъ стоялъ верстахъ въ четырехъ отъ Бахчисарая по берегу рѣчки Качи. Прошло болѣе мѣсяца, никакого прикомандированія я не дождался и когда всѣхъ прикомандированныхъ офицеровъ потребовали въ свои полки, я съ остальными отправился въ штабъ для полученія подорожной и прогоновъ.

Получивъ то и другое, мы вчетверомъ уговорились ѣхать вмѣстѣ, а такъ какъ лошадей не было никакой возможности дожидаться, то мы наняли Татарскую арбу и поѣхали въ Симферополь, гдѣ, остановившись въ гостинницѣ, пробыли нѣсколько дней.

Отъ Симферополя до Херсона мы ѣхали двѣ съ половиною недѣли. Тутъ мы рѣшили отдохнуть и пробыли въ Херсонѣ недѣлю, въ теченіе которой успѣли совершенно экипироваться и явились къ командиру полка въ полной новаго образца формѣ.

Въ полковомъ штабѣ намъ было выдано полугодовое не въ зачетъ жалованіе, которому мы конечно очень обрадовались, и отправились въ одно селеніе, находящееся на берегу какого-то Днѣпровскаго лимана.

Насталъ Мартъ. И вотъ только я успѣлъ позавтракать и выпить кофе, въ мою избу влетаетъ Переверзенко и, хлопая меня по плечу, кричитъ: ура!—Чего ради? спрашиваю я, смотря на него съ удивленіемъ.

— Миръ, Костыка, миръ, понимаешь, чертова твоя голова, миръ: значитъ насъ не поведутъ больше на убой, говорилъ онъ въ какомъ-то экстазѣ со слезами на глазахъ.

Русановъ.

